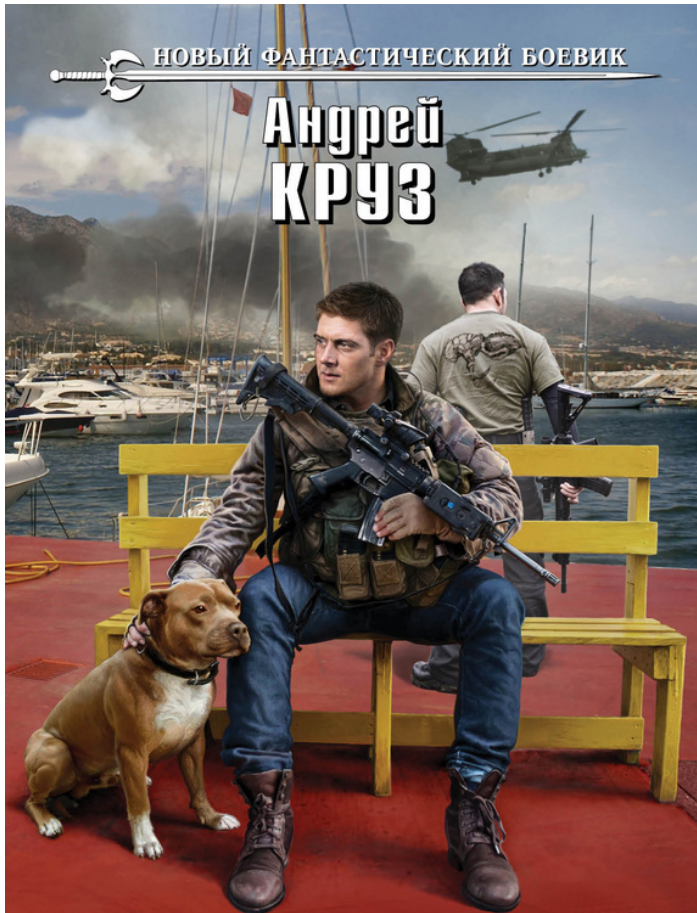

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей
КРУЗ

ВЫЖИВАТЕЛЬ

Андрей Круз

Выживатель

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8113118

Выживатель: Эксмо; М.; 2014

ISBN 978-5-699-72267-9

Аннотация

Человечество болело. Всегда. Болело и выздоравливало. Но не в этот раз. И причина – не эпидемия, а вакцина, которая была призвана от этой заразы людей спасти. Удалось выжить тем, кто не захотел или не смог получить прививки, ничтожная доля от миллионов, еще вчера населявших планету. Выжили и оказались в аду – потому что все остальные перестали быть людьми, превратились в монстров, психов, зверей, движимых двумя инстинктами – убить и сожрать.

Денис Максимов, профи охраны и спецопераций, мечтал выйти «на пенсию» и обосноваться в Испании. Но вместо этого снова взялся за оружие, став свидетелем и участником страшной Катастрофы. Свидетелем – потому что удалось спастись в первые дни и увидеть крушение мира, участником – потому что теперь надо жить дальше, точнее, выживать, искать оставшихся нормальными людей и спасти своих близких.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

117

Андрей Круз

Выживатель

© Круз А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предупреждение читателям:

Персонажи этого романа не имеют прототипов в реальной жизни, а выдуманы автором от начала и до конца, со всеми их проблемами и переживаниями. Любителям делать глубокомысленные выводы о кризисах в семейной и личной жизни автора рекомендую держать свои идеи при себе.

Расстояние от берега моря до моего дома – почти что два километра. Когда бегаешь каждый вечер, все эти расстояния знаешь. За час у меня получалось сделать круг по окрестно-

стям, всегда по одному и тому же маршруту, и что тяжелее всего – возвращаться приходилось в гору, уже уставшему, так что любую неровность рельефа я помнил своими ногами. Вниз быстрее, вверх, назад, медленнее. Но никогда раньше эта дорога не занимала так много времени. Сейчас я старался идти тихо, так тихо, чтобы даже шелест листвы был громче, чем я. Остановливался на углах, подолгу оглядывался, выбирая следующую позицию, затем перебежал туда, почти неслышный, снова приседал, удерживая у плеча сверкающий «трейнер никел» и обегая стволом места, откуда можно было ждать нападения. Но пока все было тихо, психов удерживал в темных местах мидриаз – расширенные зрачки, следствие инфекции, что делало их болезненно чувствительными к яркому свету, поэтому без нужды они в это время дня свои укрытия не покидали. Живой человек поблизости – прекрасная причина для того, чтобы выбежать на свет, человек – это объект охоты, еда, в конце концов, много еды, но его пока не заметили.

А солнце здесь яркое, очень яркое, все же самая южная точка Европы, почти самая Африка, до которой отсюда, с испанской Коста-дель-Соль, рукой подать. Заберись вон туда, на горы, что видны за домами, возьми бинокль получше, и если нет дымки, то прекрасно эту самую Африку разглядишь.

Но мне до Африки точно сейчас никакого дела не было. То есть вовсе. Мне надо добраться до дома, и добраться так,

чтобы меня по пути не убили и не съели. А для этого надо быть очень внимательным, очень тихим и очень осторожным.

Жарко, градусов под сорок сейчас, наверное. Черный пластик приклада и цевья раскалился, даже в перчатках чувствую, какой он горячий. Плечо, на котором висит бандольеро с патронами, мокрое все от пота, а вот майка сухая – успевает все испаряться на такой жаре. И асфальт под обтянутым тонкими брюками коленом горячий, как сковорода.

Передо мной самый плохой участок пути – слева и справа заборы вилл, над ними кусты, и ветви деревьев свисают, ничего никуда не просматривается. Откуда ждать нападения? Да откуда угодно. А другого пути нет, иначе мне к нашим «Лос Лагос» не подобраться никак, туда всего одна дорога. И мне туда действительно надо, очень, так что деваться некуда, все равно только вперед.

Так, поближе к правой стороне улицы, к самой стене. Может, и ошибаюсь, но пока не видел, чтобы психи лазили через заборы. Впрочем, я про них мало что знаю, но надо же как-то выбрать сторону улицы, по которой пойдешь? Вот я себе и придумал причину. И влево стрелять удобней, я правша.

Но лучше бы не стрелять. Семь патронов в магазине, один в стволе, шестнадцать в бандольеро, всего двадцать четыре – совсем немного. Начну стрелять – всполошу всех психов в округе, и что потом? Бежать обратно? Хорошо, если еще убежать получится. Скорее даже не выйдет – психи, когда

атакуют, бывают очень быстрыми. А они здесь есть, точно есть, не может не быть. Пусть тут немного людей вообще жило, это не город, а дорогой богатый пригород, но все равно...

Так, еще метров двести красться... Вот почему так высоко поселились, не могли ближе к морю? Не могли, к морю дороже, а тут подвернулся дом, который банк продавал, пытаясь отбить деньги с выданного кредита, вот и уложились. А теперь сюда, вот так, шажочками, боясь даже дышать, обмирая со страху от каждого звука, даже когда ветерок листвою шуметь начинает. И все ждешь, когда рядом заорет диким голосом псих, кидаясь на тебя и созывая своих.

Вон калитка приоткрытая в желтой оштукатуренной стене, она меня беспокоит. Где психи прячутся днем? Да где-то здесь, где же еще? И вечером, когда темнеет, выходят искать жратву. Потому что им больше ничего не надо, только жрать и убивать. Как это место в мозгу называется, которое поразила болезнь? Гипоталамус? То, что заведует и едой, и агрессией? Верно, так и называется. Если я сейчас на них напорюсь, то меня сперва убьют, а потом, почти наверняка, еще и сожрут. Мясо, девяносто килограммов мяса – вот что я такое для психов после того, как помру.

Еще вперед, немного, опять пауза, опять прислушался – нет, пока тихо. Только пахнет нехорошо откуда-то поблизости, как бы не из-за забора, за которым я сижу. Может, умерший от болезни еще лежит, а может, жертва психов... но если умерший, то его тоже сожрали наверняка, нашли по запа-

ху – и съели. Они все жрут.

Еще перебежка, еще – пока тихо. Половину улицы прошел, дальше уже шлагбаум и вход в нашу «комьюнити», там последний рывок останется. Почти добрался, почти, совсем чуть-чуть осталось. Даже сам не верю, что решился вот так пойти, но с другой стороны... а что еще оставалось? На яхте у меня пистолет с тремя магазинами и вот этот дробовик с одним бандольеро, да и то половину патронов израсходовали, а дома... дома много всего. Собрать, дотащить до машины, которая здесь же стоит, а на машине прорваться обратно к пляжу. Все. Это минус много-много проблем, очень много.

Опять перебежка, замер. И вот теперь точно что-то слышу, прямо здесь, за забором, у которого я сижу. Где калитка открыта. Что это? Черт, словно грызут что-то... как нехорошо получается. Как-то совсем нехорошо.

Вздыхнул, пытаюсь задавить волну поднимающейся паники, взять себя в руки. Только не здесь нарваться, не сейчас, когда уже почти весь путь пройден. Дайте добраться до дома, мать вашу...

Маленький шаг вперед, еще один, еще... надо глянуть в калитку, сориентироваться как-то. Кто там кого жрет?

Собака. Амстафф, кажется, или не знаю, как эти псы называются. Небольшая такая мускулистая псина с башкой, как у бульдога. В ошейнике еще. И жрет... другую собаку вроде. Вся морда кровью измазана, на меня даже не посмотрел. Каннибал, мать его, мало нам психов.

Неожиданно пес оторвался от своей добычи – пуделя, что ли, или кого-то подобного, – посмотрел на меня, оскалив окровавленную пасть в подобии улыбки, такой, что я начал поднимать ствол «фабарма», а затем вдруг несколько раз энергично махнул хвостом и даже припал на передние лапы, словно ожидая, что я сейчас кинусь с ним играть. Нет, я не шучу, именно так он и сделал.

– Да щас, – прошептал я беззвучно, одними губами, и прошел мимо калитки дальше, просто почувствовав, что собака для меня не опасна.

Снова перебежка, по диагонали на противоположную сторону улицы, чтобы можно было заглянуть в проход за шлагбаумом – там уже мой дом будет виден. И тут же пыхтение за спиной, заставившее меня подпрыгнуть.

Собака. В калитке стоит. И кровь с морды успела облизать, скалится так радостно, словно лучшего друга встретила. И опять хвостом молотит.

Вот тебя мне сейчас точно не хватает. Просто никак.

И что делать? Наверняка же следом увяжется. А я вообще собак не люблю, с чего вдруг такая общительность? Чувствую, что не кинется, вовсе нет, скорее, наоборот, компанию ищет. Иди, кого-нибудь другого найди, а? Ну не до тебя мне.

Так, пусто дальше по улице, все еще пусто. Только на выезде, у самого шлагбаума, стоит белый «БМВ» с открытой дверью, а спинка кресла, отделанная светлой кожей, сплошь

вымазана запекшейся уже кровью. Психи кого-то вытащили из машины? Похоже. Причем «кого-то» сказано сильно. Машина норвежца, что живет... жил, наверное, в трех домах от меня, я его помню. Он еще сильно своей внешностью озабочен был всегда, эдакий стареющий донжуан, волосы всегда волнисто гелем уложены, одевался любому сутенеру на зависть, хотя вроде бы был хозяином нескольких магазинов, насколько я слышал. Еще жена у него под стать была, вся в леопарде и золоте постоянно, эдакая стареющая пара клубных завсегдатаев.

Ну да ладно, теперь-то уж что... только машина с заляпаным кровью салоном и осталась. Их теперь много, машин таких.

Так, а к дому вроде бы путь свободен. Ставни опущены, дверь цела, закрыта. Никто внутрь не вламывался, похоже. Впрочем, могли и с другой стороны залезть, это еще проверить надо. И машина жены стоит у входа под навесом, сверкая серебристыми бортами. На ней я вернуться и планирую. Бак под крышку полным быть должен, сам гонял на заправку за день до нашего отъезда, испариться не могло.

Что еще в «комьюнити» не в порядке? В доме напротив выбиты стекла. Откуда-то мертвечиной пахнет – это уже точно непорядок. На дверях двух домов знаки краской – еще с самой Пандемии, до вакцинации рисовали, потом уже не до знаков стало.

Собака следом тащится. Близо не подходит, то ли ружья

боится, то ли просто приглашения ждет, но не отстает, смотрит и все хвостом, хвостом. Рыжая такая псина с белой полосой на лбу и белой манишкой на мощной груди.

Нет у меня для тебя вакантных мест. И собак не люблю, я уже сказал. Тем более амстаффов, я их вообще побаиваюсь. Иди куда-нибудь, еще себе пуделя найди, что ли... на хрен ты мне, каннибал такой, нужен?

Ну, вроде прямой и непосредственной угрозы не наблюдаю, так что последний рывок... тихий такой рывок, чуть ли не на карачках... отсюда – и к двери.

Не хватило терпения на карачках, рванул бегом, все же стараясь сильно не топтать, насколько позволяли «палубные» туфли. Тут рукой подать, только «БМВ» обежать, потом еще чуть-чуть, всего два дома, а третий, что по левую руку, уже мой. Ни заборов, ни чего другого, у нас только живая изгородь по пояс. Здесь дома почти что без своих участков, так, задний дворик у каждого, и на всех один большой бассейн и одна территория. Ага, так дешевле, чем полноценная вилла.

Не знаю, удалось бы мне без приключений добраться до двери, если бы шел тихо. Нет, наверное. Эти два психа, похоже, меня уже давно заметили, ждали за открытой дверью гаража, что в доме напротив. И едва я подошел ближе – тут все и случилось. Если бы они не заорали по своему обыкновению, мне бы точно хана, не успел бы среагировать, но они заорали. Разворачиваясь и вскидывая дробовик, я успел разглядеть их обоих, ясно и отчетливо – рослый мужик в гряз-

ной майке и измазанных мочой и дерьмом шортах, на бегу замахвающийся ломиком, и такая же рослая баба, с перекошенным бешенством лицом и кровавой слюной, вожжами свисающей из оскаленного рта, с кухонным ножом, большим таким, широким, который она держала перед собой на вытянутой руке, целясь в меня острием.

И обоих солнце слепит, мужик рукой прикрывается, а тетка почти что в землю смотрит, но добыча близко – я, то есть, решились кинуться. Они всегда решаются.

Я успел выстрелить в мужика, картечь ударила его в середину груди, убив, похоже, на месте, потому что упал он мешком, словно выключился, а женщина вдруг споткнулась, сбитая врезавшимся в нее массивным рыжим телом, крутанулась и рухнула навзничь. Нож вылетел из разжавшихся пальцев, со звоном заскользил по бетонной плитке, а руки психованной, сжавшись в кулаки, заколотили по собачьей спине – мощные челюсти амстаффа сомкнулись у нее прямо на лице, задавив ее вой. Собака крутилась вокруг своей жертвы, прижимая ее к земле, кровь текла на землю ручьем. А затем я просто подскочил к ним, на бегу передернув цевье и выбросив пустую гильзу, сунул ствол ружья в грудь психованной и потянул спуск. Глухо грохнуло – выстрел в упор заглушил звук, тело дернулось и застыло, а собака резко отскочила назад, разжав челюсти, крутанулась на месте, явно в поисках следующего противника, а затем уставилась на меня, словно ожидая дальнейших команд.

– Ну, спасибо, – осталось только сказать мне.

Ключ из кармана, бросок к двери, щелчок замка – собака стоит на улице, сходя с ума от ожидания приглашения, но не трогаясь с места.

– Что встал? – удивляясь сам себе, сказал я. – Давай сюда.

Не знаю, как там правильно команды отдавать, никогда в жизни этого не делал, но меня поняли. Собака стартовала чуть не с пробуксовкой и вломила в дверь так, что едва с ног меня не снесла. А затем я захлопнул дверь за собой, задвинул засов, накинул цепочку, привалился к двери спиной и только потом перевел дух. Собака, или скорее пес, насколько я сейчас заметил, понюхал воздух настороженно, а затем обернулся ко мне и снова оскалился в этой своей безразмерной улыбке, которая больше самой головы. Не собака, а монстр какой-то.

– Пусто в доме? – спросил я его.

Ну, нюхай воздух, раз уж помогать взялся.

Пес в ответ тихо заскулил и снова завилял хвостом.

Ну да, пусто, это я и так вижу – ставни целы, на первом этаже темно, свет пробивается только со второго. А для психов это все же слишком сложная задача – догадаться забраться через второй этаж. Или не слишком? А зачем им сюда? Здесь же никого не было с самого начала Пандемии. Уехали мы, к великому нашему счастью, в отпуск, отдыхать всей семьей. Нечего здесь было психам искать. Людям, если бы вокруг были выжившие, кое-что пригодилось бы, но они об

этом не знали, а психам тут ничего не нужно. Разве что холодильник перетрясти, но в нем почти что нет ничего, мы в этом специально убедились перед отъездом.

– Карауль, что ли, – сказал я псу, и, что забавно, он вроде даже понял, уселся на половик в прихожей.

Теперь вниз, в полуподвал – дом на склоне построен, и то, что с одной его стороны является первым этажом, с другой получается уже вторым. Так что внизу у нас типа как сауна с одной стороны, а с другой отгорожена свежей стенкой моя «студия» – смесь кабинета и мастерской, где и столу с компьютером место нашлось, и верстаку, и скамье со штангой, и оружейным сейфам, которые, понятное дело, мне сейчас и нужны. Высокие такие светло-серые ящики с наклейками всяких оружейных брендов на них – сам налепил.

Ключи, сперва ключи – из тайника в фальшивой вентиляции. Затем уже сочный и маслянистый щелчок замка, легкий скрип тяжелой двери – и мой выдох, облегченный, счастливый даже – все на месте. Пока открывал, даже не дышал, кажется, ожидая того, что найду пустой ящик. Нет, все на своих местах, куда поставил и положил.

– Ну, займемся делом, – пробормотал я, вытаскивая из шкафа первый ствол и укладывая на верстак.

«Smith & Wesson M&P 15», камуфлированная копия американской армейской «М4», только ствол длиннее – шестнадцать дюймов. И калибр нестандартный – в Испании для самозарядных винтовок армейские запрещены, так что эта –

под 300 «Блэкаут», вроде как последователя советского автоматного 7,62, только гильза не такая коническая. Вообще неплохой патрон, мне нравится.

Вот магазинов маловато, всего четыре пластиковых «пи-мага», да еще две «жестянки» двадцатизарядных, я как бы к войне не готовился, купил для стрельбища. Впрочем, в Испании такие даже на стрельбище запрещены, как ни странно. Покупать можешь, продавать и хранить можешь, а вот пользоваться – ни-ни.

Так, второй сейф, там патроны... Стопки коробок разных калибров, тоже все незаконно, тут помногу хранить нельзя, но как известно, что если ты пишешь закон – думай, как контролировать его выполнение. В Испании никто ничего не контролирует и контролировать не собирается, поэтому я предпочитал запасаться. И теперь вижу, что я молодец.

Так, стоп, что это я за эти патроны схватился? Все не так, все должно быть по-другому...

Пластиковый ящик со всякими оружейными аксессуарами, в нем коробка. Из коробки на ладонь выпал увесистый титановый серый цилиндр – глушитель. В Испании они нелегалы, но в других европейских странах чуть ли не обязательны. Так что добыть нетрудно, если есть друзья хотя бы в Великобритании, например. Вот я и добыл, привезли. Надевается прямо на пламегаситель, который я отдельно заказывал, зажимается рычагом – и как жил там.

Винтовка удлинилась, но тут уж ничего не поделаешь. И

патроны нужны теперь вот эти, которые я сам снаряжал, собирая на стрельбище свои выброшенные гильзы. Теперь в них пороху меньше, зато пуля здоровенная, почти в пятнадцать граммов – верно, как в российском «винторезе». Механика в «арке» тихая, затвор щелкает негромко, а с глушителем такой сабсоник тоже шуму не создает. У меня мелкашка громче хлопает, чем этот карабин с этими патронами и «банкой» на стволе.

Психи идут на шум, а мы шуметь не будем. У меня три сотни сабсоников – не бог весть что, но на какое-то время хватит. И полторы тысячи нормальных патронов.

Возился не меньше часа, вытаскивал оружие из сейфов, искал сумки по дому, упаковывал. Груз одних только патронов получался совершенно неподъемным, придется таскать партиями, но патронов много не бывает. Бывает или очень мало, или просто мало, но больше уже не утащить. Эти я утащу, пусть сдохну под ними, но утащу.

Взмок, запыхался, но все упаковал. Переоделся, на ремень повесил кобуру с «глоком» сорок пятого калибра, нашел свою старую разгрузку и в нее распихал магазины и к карабину, и к пистолету. Уже лучше, уже сложнее меня взять, я ведь отбиваться буду, и мне есть чем. Это не жменя патронов к дробану, это куда лучше.

Про пса чуть не забыл, а он так и сидел в прихожей, глядя на входную дверь и тихо рыча, очень тихо и глухо, так, что я его поначалу просто не расслышал.

– Что там? – спросил я, прижимаясь к дверному глазку.

Психи сами на свет не выходят, но могут где-то поблизости укрыться. И кинуться, как эти двое.

Нет, в глазок ничего не видно. Ладно, из кухни гляну...

Кухня – она рядом, вот дверь. Зашел туда, крутанул немного ручку, поднимающую ставни – между отдельными планками появились щели-просветы, через которые солнце расплосатило темноту. Вот через них можно глянуть...

Нет, опять ничего... что тогда пес рычит? Зря рычать не будет, вот именно в этом я почему-то уверен. Со второго посмотреть? Ну да, а что еще остается... и это... идея есть одна. Вроде даже хорошая.

Опять вниз. Из чехла вытащил винтовку – простенькую мелкашку «CZ» с дешевым китайским оптическим прицелом. Теперь в сумку со «всяким всем», там глушитель для пневматики турецкий, который по странному совпадению на ее резьбу садится идеально. Ага, Natsan, они и это делают. Навинтил, затем втолкнул в пластиковый изогнутый магазин пяток маленьких патронов с серыми пульками. Вроде и мелочь с виду, но с пятидесяти метров три сосновых доски пробивают, должно хватить, как мне кажется. И теперь наверх.

Спальня. Наша с женой спальня, кровать застелена просто пледом, перед отъездом в отпуск белье с нее сняли, а новое не надели. На тумбочке с моей стороны книга – детектив Коннелли, не дочитал. С собой прихватить? Нет... не смогу. Как-то странно читать книги о событиях, случившихся в

нормальной жизни после того, как началось вот это все. Как дурацкая шутка выглядит. Не смогу.

Присев, подобрался к окну, выглянул через подоконник. Пусто на улице, два трупа в лужах крови – и все. И солнце жарит, защищает меня. Где угроза, откуда? Что пес чует?

Затаившегося психа обнаружил не сразу, хоть сидел он в том же самом гараже, из которого выбежали двое уже убитых. Сидел за машиной – черным «Х5», почти незаметный ниоткуда. Могут быть еще такие же вокруг? Могут, куда же без них, а выстрелы дробовика слышны далеко, вся наша деревенька должна была их услышать. Не знаю, сдержит ли полуденное солнце всех психов в их норах, но мне кажется, что нет.

Аккуратно приоткрыл окно, сдвинув одну створку в сторону, выложил мелкашку на подоконник. Сколько там до гаража напротив? Метров двадцать. Пристреляна на пятьдесят, но это уже не принципиально, поправочка здесь минимальная.

Что я вижу? Как раз верх головы психа и вижу, немножко, самый «кумпол». Попаду? Да попаду, я на пятидесяти пули одна в одну укладываю, что же не попасть?

Приложился, поймал дыхание, подвел простенькое перекрестье прицела к силуэту... каким дерьмом у него башка измазана? Волосы масляными клочьями во все стороны торчат... хотя все психи... того... грязные и воняют, гигиена у них как-то забылась совсем, кажется.

Спуск... легкий-легкий толчок приклада, хлопок... да в ладоши хлопнуть громче получится. Из-за машины вывалилось тело, осело на каменный пол, стукнулось головой. Готов.

Все?

А это надо опять у пса спросить, наверное.

Так, а еще теперь надо попробовать на связь выйти.

Вытащил маленькую туристическую рацию, убедился, что включена, попробовал вызвать лодку – нет, безуспешно. «До пяти километров», ага, но это если в пустыне, да еще и плоской, как стол, а тут уже холмы и дома перекрывают, не слышат меня. Плохо, жена изведется, но где-то по пути вниз связь все же должна будет появиться, тогда доложусь. Скажу, что жив, скажу, что уже обратно еду, скажу, что все сделал, как надо, и у нас все будет хорошо.

Когда собрал все оружие, снаряжение и патроны в кучу у двери – сам поразился тому, сколько набралось. Вот так покупаешь, подкапливаешь, складываешь – а потом получаешь такую вот кучу. Но это, наверное, лучше, чем ничего не иметь. Я видел, как психи убивали и рвали на куски людей, у которых ничего не было. И еще я точно знаю, что мы сумели выжить лишь потому, что я прятал на лодке дробовик и пистолет. Потому что у меня их много. Потому что мог себе позволить. И потому что знал, что человек должен быть вооружен. Всегда знал. И даже когда выбирал страну для того, чтобы «уйти на покой» – выбрал именно Испанию за то, что

ее вроде во многом странное и путаное оружейное законодательство разрешает при этом владеть оружием иностранцам, даже «резиденция» не нужна, достаточно иметь постоянный адрес. Вот я и владел.

Так, ключи от машины... уже в кармане. Заведется? Да заведется, что с ней за пару месяцев сделается, да еще и в таком тепле? Заведется, никуда не денется. Нажал кнопку на пульте, прислушиваясь, через дверь услышал щелчок замков «Чероки». Нормально, работает все.

Теперь самый опасный момент – погрузка. Пес за мной с любопытством наблюдает, не рычит и не беспокоится вроде, так что, наверное, засады за дверью нет... вот он бы и проверил пошел, а?

Засов... отпер дверь, приоткрыл на цепочке, выглянул – нет никого и ничего... вроде бы. Теперь цепочка...

– Иди давай, проверь, – сказал я негромко, и пес, кажется, опять меня понял – вышел за дверь, прошел по подъездной дорожке и остановился, оглядываясь и нюхая воздух.

Вроде спокойно выглядит... я пошел? Ну да, пошел, что сопли жевать...

На перетаскивание всего потребовалось шесть ходок, потому что носил вещи в левой руке, держа правую на кобуре с «глоком». Свалил все в кучу у заднего бампера, поднял багажную дверь – нет, не лезет, надо сиденья складывать. А чтобы их сложить, надо заглядывать в салон и там возиться, поворачиваясь спиной к домам и окнам вокруг, а это очень

страшно, если честно. Опять же, если бы не пес, то я бы со страху... не знаю что сделал. Но он честно караулил, иногда немного нервно перетаптываясь на месте, никуда не уходил, и это успокаивало.

Все, упаковался. Все сумки в машине. Плюхнулся на водительское сиденье, завел двигатель, потом замер – что делать с псом? Он же, видя, что я собрался ехать, начал покусывать и топтаться на месте, явно чувствуя, что я собираюсь его бросить.

Ну да, собираюсь. Я не люблю собак. На самом деле не люблю, а дружелюбных не люблю еще больше, чем злобных. А это какая-то смесь злобного и дружелюбного, хрен поймешь.

Выругался тихо, на самого себя, нагнулся, открыл пассажирскую дверь настежь.

Пес еще больше засуетился, но оставался на месте.

Не ездил на переднем сиденье? Ну да, их чаще в багажниках катают.

– Лезь уже сюда, нет других мест.

Амстафф еще немного потоптался в нерешительности, а затем, словно почуяв что-то и стараясь от этого убежать, вдруг сорвался с места и одним прыжком оказался рядом со мной, засопев и дыхнув запахом крови из открытой пасти.

Чуть отодвинув его, я снова нагнулся и захлопнул дверь.

– Поехали.

Атаковали машину тогда, когда я объезжал стоящий в во-

ротах «БМВ», с треском и хрустом проламываясь джипом через живую изгородь. Останавливаться и отодвигать машину убитого норвежца не хотелось, лучше уж я так. Сначала дернулся и залаял пес, затем я увидел силуэт подбегающего человека, потом сильный удар обрушился на лобовое стекло, промяв его внутрь и разбежавшись паутиной сетью трещин. Я успел разглядеть перекошенную от бешенства морду уже не человека, а какой-то безумной твари, грязной, вымазанной в запекшейся крови и дерьме.

Я дал задний ход, но он успел ударить снова, лопатой, пусть уже и вскользь, угодив по стойке, а не по стеклу. Пес аж взвыл от желания прыгнуть и вцепиться зубами. Вывернув руль, я снова рванул «Чероки» вперед, боднув высоким капотом психа и завалив на столб автоматического шлагбаума. Услышал, как что-то хрустнуло, тварь дико заорала, но не от боли, как мне кажется, а от ярости, но бить машину дальше он уже не смог – упал и просто ворочался на высохшем газоне. Я снова взял разгон и на этот раз проломился через кусты с одной попытки, в какой-то момент, правда, испугавшись того, что джип застрянет, повиснет брюхом на упругих ветках.

Дизель под капотом рыкнул, машина начала резко набирать скорость, но затем я тут же ее скинул – не надо шума, лучше потише. Прорвусь, мне просто лишнего внимания привлекать не надо. Теперь просто вниз, к пляжу.

Потащил рацию, уже не из кармана, а из подсумка, уто-

пил клавишу тангенты, начал вызывать яхту. Буквально через минуту радио откликнулось голосом сына.

– Я в порядке, все сделал, что хотел, возвращаюсь на лодку, будьте готовы.

Ну вот, уже лучше, уже мне спокойней, а про них – жену и двоих детей, ждущих меня сейчас на яхте, я уже и не говорю.

Дорога вниз, Пасео-де-Гольф, слева лунки гольф-клуба «Санта-Мария», в песчаном бункере возле одной из них вижу два обглоданных и растащенных трупа. «Клаб-хаус», в котором когда-то был модный ресторан только для членов клуба, сгорел дотла, у обуглившейся стены остатки взорвавшегося пропанового танка. У ворот клуба на меня вроде бы кинулись еще два психа, взрослый и ребенок, но отвернули обратно – сообразили, что не догнать, и солнце опять же загнало в укрытие. Круговое движение, по которому я проехал с нарушением, прямой отрезок возле реликтового кедровника, торговый центр, мост через забитое мертвой пробкой из машин шоссе – мне на него не надо, к счастью.

Голос Майка в рации:

– Когда подавать лодку?

– Через пару минут буду на пляже. Там тихо?

– Ни души, психи не выходят.

Хорошо. Это очень хорошо. Последний рывок остался, последняя перегрузка. И дальше по плану. Выживем. Мы – выживем.

Брошенные машины, башня отеля «Дон Карлос», навес

над стоянкой, под которым я увидел еще нескольких психов и прибавил ходу. Один было погнался, но сразу отстал, вернулся в тень. Вход в пляжный клуб «Никки Бич», в котором поперек застрял белый развозной фургон, площадка перед рестораном, песок под колесами машины, по которому она слегка начала подплывать, силуэт яхты на блестящей голубой воде в отдалении и резиновый белый «Зодиак», торопящийся к берегу.

Все, добрался, дело почти сделано. Разворот, затем «Чероки» сдал задом к самой воде. Задние колеса начали понемногу погружаться в мокрый песок, но это уже неважно, машина свое дело сделала и отсюда никуда уже не поедет. Никогда.

С карабином у плеча я выбрался из кабины, огляделся, но никаких угроз не увидел. Солнце раскалило пляжный песок до легкого марева над ним, вытянувшиеся вдоль пляжа «фронт-лайн» дома таращились на меня пустыми окнами.

Пес выскочил следом за мной через водительскую дверь, завертелся радостно под ногами, словно пытаюсь уверить меня в том, что здесь ничего не угрожает и он свое дело сделал. Какое? Не знаю, но похоже, что он решил считать меня хозяином, не выдерживает его собачья натура такого дикого бесхозного существования.

Только вот вопрос: а мне что с ним делать?

– Все нормально прошло? – спросил с подошедшей лодки Майк.

– Более или менее. Но что планировал – сделал.

– Отлично.

Пластиковое днище лодки, оседлав небольшую волну, ткнулось в песок, и я, плюнув на залитую соленой водой обувь, забежал глубже и подтянул лодку дальше.

– Можем грузить, хотя не уверен, что за один раз все перевезем.

– А это кто? – Майк показал на пса, выбираясь из «Зодиака» и придерживая рукой заткнутый за пояс длинный револьвер.

– Не знаю, он сам ко мне прибился, – покачал я головой. – Черт знает, что мне с ним делать.

Пес, к слову, к воде не рвался, это было заметно. И волны ему не нравились. Он стоял поодаль, и выражение морды его было озадаченным. Насчет моей морды не скажу, но меня этот случайный компаньон озадачивал еще больше.

Сумки перегрузили быстро, после чего Майк отплыл с ними обратно к яхте. Для меня веса и грузоподъемности уже не хватило, так что они там лодку разгрузят, и затем он вернется за мной. Но амстафф этого не знал и, похоже, решил, что я остаюсь с ним. По крайней мере, он оживился и заскакал по песку совершенно по-щенячьи, крутясь на месте и всячески выражая восторг. А я просто смотрел на него и думал о том, что взять я его не могу. Потому что он явно побаивается воды, потому что мне нечем его кормить, мне негде его держать, ему не будет места для прогулок на небольшой, в

сущности, яхте, и я ничего не знаю о собаках, а о бойцовых собаках в особенности. И я им не доверяю.

– Не выйдет у нас с тобой ни хрена, – сказал я ему, когда лодка вернулась за мной. – Не выйдет. Так что будь здоров, пообщались – и хватит.

Пес явно не понимал, что происходит, и смотрел на меня то с надеждой, то в растерянности. Смотрел, когда я перебирался в лодку, смотрел тогда, когда она, отвалив от берега, развернулась на моторе и быстро пошла в сторону яхты, выбивая облачка брызг из мелкой прибрежной волны. И даже когда на яхте поднимали грот, я смотрел на него, а он в отчаянии метался по берегу, только теперь осознав, что никакого хозяина у него так и не появилось. Так, временный и случайный попутчик, не более.

* * *

Любые поступки влекут за собой бесконечные цепочки последствий. Некоторые последствия каких-то поступков мы не замечаем, потому что они и составляют течение нашей жизни, а некоторые вдруг проявляют себя ясно и четко, как бы говоря тебе, что ты или выиграл джекпот, или крупно проиграл.

В тот день, когда я, страшно поругавшись с женой, купил яхту, состоялся такой поступок с последствиями. Нет, что-то мореплавающее она тоже хотела, раз уж мы жили на бере-

гу Средиземки, но вовсе не «Одиссея» длиной в сорок один фут и стоимостью за сто тысяч евро, да и то потому, что куплена у банка. Она хотела моторку, например, на которой можно было прокатиться пару часов с детьми и которую хранить в марине дешево и не накладно. А я, можно сказать, осуществил мечту своего детства.

Нет, не совсем так. Мечтой была яхта моторная, белая и красивая, с темными окнами, из тех, что любят снимать в рекламе, и мечтал я о такой много лет, до тех пор, пока мои мечты прибоем не разбились о скалу по имени Майк Робертс.

О Майке надо сказать отдельно. Это такой веселый старикан, с которым сначала познакомилась жена, в спортзале. Он был высок, худ, жилист, лысоват, вежлив, воспитан, обаятелен и вообще дядька хоть куда. Потом жена как-то представила его мне, когда мы встретили его вечером в одном из местных баров. Мы разговорились, и как-то так выяснилось, что у нас с ним оказалось много общих интересов. Например, Майк любил стрелять, но понятия не имел, что может легально владеть оружием в Испании. Через пару дней после нашего знакомства я повез его в стрелковый клуб, где он оформил первоначальные бумаги, потом мы начали ездить стрелять вместе, из моего оружия, а уже потом, когда Майку почтой пришла карточка *Licencia de Armas*, он и купил тот самый длинный «смит-вессон», что висел у него на поясе. И который, к слову, спас ему жизнь.

И вот с этим самым Майком я поделился своей идеей о покупке лодки. А Майк поднял меня на смех:

– Ты собираешься возить траву из Марокко? Если нет, то зачем тебе лодка?

– Ну... плавать на ней куда-нибудь с семьей.

– Если ты будешь на ней «плавать», – продолжил Майк иронично, – то очень недалеко, потому что стоимость горючего будет приводить тебя в восхищение. Немного шуму и вони от солярного дыма, и у тебя будет возможность постоять на якоре где-то напротив Эстепоны, куда на машине ехать двадцать минут.

– Тридцать.

– Пусть тридцать. Ты точно этого хочешь?

– Так что, не покупать? – спросил я с подозрением.

– Научись ходить под парусом, – вздохнув, сказал он. – Я могу порекомендовать хорошую школу в Сотогранде и даже могу учить тебя сам.

– А ты что, ходишь под парусом? – удивился я.

Как-то мы раньше об этом не говорили. И как оказалось, Майк ходил, причем так, что успел раза три пересечь Атлантику, а поплавать так и вовсе по всему свету.

– Я этим с четырнадцати лет занимаюсь, а сейчас мне шестьдесят два, – сказал он. – Давай я возьму тебя с собой разок, пройдем вдоль берега, и ты скажешь, нравится или нет.

– А сколько горючего уходит на твою яхту?

Я откуда-то помнил, что на парусных тоже есть двигатели для маневрирования.

– Я заправил ее в прошлом году, а не израсходовал еще и четверти бака. Так что скажешь?

Я согласился. Сходил с Майком из Гибралтара, где стояла его лодка «Шутник», в сторону Марбейи, поуправлялся с парусами, покрутил штурвал, подышал морским воздухом, походил по палубе и решил, что именно об этом я и мечтал, а вовсе не о большой белой моторной лодке. Потом мы выбрались с ним уже вдвоем с женой, ей тоже понравилось, и я даже закинул ей удочку с идеей о покупке подобной... но фокус не прошел, идея была отвергнута с ходу.

Но я уперся. И тихо начал подыскивать яхту, желательно с местом под стоянку. И через три месяца неспешных поисков, в течение которых я активно учился еще и в яхтенной школе, все же нашел этого самого «Одиссея» французской постройки. И купил, после чего дома на меня обрушилось небо. Но это я выдержал подобно атланту.

Как ни странно, но несмотря на скандал, заманить жену на борт мне удалось легко, тут ее любопытство сгубило, оно у нее врожденное. Заманилась, прошла со мной под парусом, дежурно поругалась, но было видно, что ей понравилось, хотя сразу она в этом не созналась. Если точнее, она и позже не сознавалась, но ругаться больше не ругалась, и тема с яхтой как бы соскользнула в обыденность, вроде так и надо. Есть яхта и есть, что теперь.

Прошло два года. Как это ни странно, но лодка у нас не застаивалась. Морским волком я не стал, понятное дело, рано еще, но управлялся с ней уже вполне сноровисто, а заодно как-то сын помогал, то есть мы даже экипаж такой образовали. В общем, яхта нравилась всем. И в этом году, окончательно убедившись в том, что мы не только по морю ходим, но еще в нем и не тонем, мы решились на первый относительно дальний поход – до Балеар. Примерно четыреста пятьдесят морских миль, под парусом вполне можно дойти дня за четыре или меньше, если ветерок будет. Это до Пальмы. Но мы там хотели пройтись еще и от острова к острову, погулять по городам и просто пожить на борту, постоять где-то на якоре и покупаться в море, в общем, планировали на две недели. Отпуск, в общем.

Два дня я готовил лодку к выходу, причем так, как я сам все готовлю – продуктов на три недели, благо место позволяет, я пару рейсов сделал на своем «рейнджере» с полным кузовом, перегружая все на борт. Понятно, что можно и на островах закупиться, но мало ли? Пусть лучше будут, так надежней. Я даже оружие притащил на борт, просто потому, что когда оно поблизости есть, я лучше себя чувствую.

К тому же смутное беспокойство внушали разговоры из Интернета и телевизора – по миру шла очередная эпидемия какого-то гриппа, причем совсем плохого, куда хуже, чем «свиной» и «птичий», притом не только из Китая, а сразу из нескольких мест, так что где-то в глубине сознания тихо

пульсировала мысль: «А не посидеть ли нам пока на яхте?»»

А что? Кто может придумать карантин лучше? Я не могу.

Привез семью в марину вечером. Решили провести ночь на борту, немножко отпраздновать отход, а заодно начало ка-никул у детей, ну и выйти в море с утра пораньше. И даже почти что вышли, я уже запускал дизель, чтобы вывести лодку из марины, когда жена, готовившая завтрак и попутно смотревшая телевизор, позвала меня вниз.

– Карантин объявляют, – сказала она. – Аэропорты, порты и остальное.

На душе стало как-то нехорошо. Заводить мотор я уже не стал, а вместо этого полез в Интернет, пытаюсь найти все, что получится, об этой эпидемии, карантине и всем прочем. Написано было уже достаточно, я как-то много важного пропустил за последние дни, занимаясь подготовкой к отпуску, а жена новости никогда не смотрит и на новостные сайты не залезает, равно как и старший сын, так что жизнь для нас оказалась полна сюрпризов.

Где-то уже объявили чрезвычайное положение. Какие-то страны считались зоной бедствия. Говорили о том, что это террористический акт, что этот штамм выведен искусственно и что это вообще не грипп, а нечто, сконструированное людьми, сочетающее в себе худшее из многих болезней, убивающее быстро и беспощадно. И что самое главное – все новые и новые очаги болезни возникали там, где их никто не ждал.

– Вот так... – только и нашел я, что сказать.

Жена подошла сзади, заглянула через плечо в экран лэптопа, стоящего на столе в кают-компании, спросила:

– Что будем делать?

– Ничего. Вообще ничего, потому что мы уже все сделали, что могли. Будем сидеть на борту и никуда не ходить. У нас тоже карантин.

Она кивнула, и это спасло нам всем жизнь. Мы сидели на борту яхты безвылазно, нахально перешвартовав ее к самому дальнему от въезда причалу, на чужое, просто сейчас никем не занятое место, куда я еще и свой пикап перегнал, чтобы привлекать меньше внимания, наблюдая за жизнью на берегу, все больше по телевизору и через Интернет. Только на третий день нашего затворничества к порту подошел бело-зеленый катер «Гуардиа сивиль», экипаж которого натянул на выходе из марины разноцветный тонкий трос с флажками и табличками «карантин». Нас заметили, потребовали покинуть яхту и вернуться домой, но ждать выполнения своего требования не стали и просто ушли из порта, никогда уже обратно не вернувшись. Ну а мы ничего покидать не стали и никуда не пошли, на все требования наплевав.

Вскоре новости стали еще страшнее: эпидемия действительно оказалась делом человеческих рук. Поймали нескольких распространителей в разных странах. Естественно, все они оказались исповедующими «религию мира», в основном из числа легальных иммигрантов, а иногда, как в Рос-

сии, из числа местных единоверцев. Распространялась зараза просто – везде, где получалось, на перила и всевозможные поручни наносился бесцветный прозрачный гель без всякого запаха, в котором возбудитель болезни сохранялся долго, давая возможность заразиться великому множеству людей. Люди заражались через контакт, а уже затем зараза начинала передаваться еще и воздушно-капельным путем.

Источник же этого геля найти не получалось, поток разносчиков инфекции, похоже, не иссякал. Смертность была кошмарная, практически семьдесят процентов среди заразившихся. Примерно один человек из двадцати демонстрировал признаки врожденного иммунитета, но создать с их помощью вакцину пока не удавалось, эпидемия распространялась, как лесной пожар, особенно в странах третьего мира, где уже начиналось настоящее вымирание населения.

Потом появилась вакцина. Одна из фармацевтических компаний объявила о прорыве. Большая компания, с репутацией. Первые опыты были удачны, вакцинированные не заражались и не болели. По миру как вздох облегчения пронесся. Кто-то протестовал против ее применения, мотивируя тем, что создан препарат по каким-то совсем новым принципам и последствия его применения сложно предсказать, но их не слушали – угроза чудовищной по своей эффективности инфекции перевешивала все доводы. Программу производства вакцины финансировало сразу несколько стран, а компания-производитель объявила, что будет распростра-

нять ее по себестоимости, потому что считает недопустимым извлечение прибыли из такой великой беды.

Затем началась вакцинация всех здоровых.

– Может, съездим в госпиталь? – спросила жена. – Пусть нам тоже привьют, или как это правильно называется.

– Подождем, – ответил я тогда. – Нам на яхте ничего не угрожает. Так что просто подождем. Иногда сидеть на попе и ждать – самое лучшее решение. Как сейчас.

Я не просто так это сказал, Интернет тогда еще работал, а я в нем с бывшими коллегами общался. И среди них такой слух ходил, что не все так просто с этой вакциной. Кроме той, что пошла по всему миру, была разработана еще одна, частной исследовательской компанией, и ее разработчики вроде бы даже что-то нехорошее про основную вакцину говорили, с доказательствами и прочим, но их отпихнули в сторону. Ситуация везде уже «горела», а у компании-разработчика той, что теперь везли по всему миру, было больше возможностей производства. Ну и еще какие-то интересы вмешались, совсем не медицинские вроде как. Так что новых разработчиков слушать не стали, но... к некоторым людям из тех, с кем общался, я привык прислушиваться. Да и вообще сама спешка немного пугала. И мы тут все же в карантине, так что можем подождать и посмотреть, во что это выльется.

Пришлось опять немного поругаться, но этот спор я выиграл, сказав, что проще всего будет заразиться именно в оче-

реди на прививку. И тогда уже и вакцина не поможет. Или террористы специально будут такие очереди атаковать. Сработало, поверила, мы остались на яхте и этим спаслись во второй раз.

Шли дни на борту. Долгие, нудные, бесконечные дни, сложившиеся сперва в месяц, затем в другой... Я как-то даже выбрался на машине в аптеку, где бесплатно, к моему удивлению, получил коробку латексных перчаток и большой пакет одноразовых масок, а затем, всем этим защитившись, заехал в «кэш-энд-керри» в промзоне неподалеку от порта, где закупились консервами и всякими макаронами – что хранится дольше. Плотно так закупились, всерьез, после чего вернулся на яхту и сказал: «Сидим дальше. Тихо сидим!»

Тихо сидеть становилось все труднее и труднее. Если сын в свои пятнадцать еще как-то выдерживал существование на лодке, где жизненное пространство ограничено двумя каютами-спальнями, маленькой кают-компанией и не слишком просторной палубой, то восьмилетней дочери такая жизнь была уже не просто в тягость, а сущим мучением. Хорошо, что электричество подавалось с берега пока исправно, и спасалась она видеоиграми. Ей бы бегать, у нее вообще шило в известном месте, но бегать негде, надо сидеть и не высываться.

А так... Интернет и телевизор, телевизор и Интернет. Ну я еще чуть ли не половину времени то отжимался, то подтягивался, то с тяжестями возился, чтобы уж совсем не обез-

двигаться. Даже подкачался.

Интернет был все же куда полезней дуроящика, через него была связь. С кем? С тем же Майком, который, оказывается, тоже засел на яхте, только в Гибралтаре. С Рэем – человеком, с которым мы работали вместе в разных странах сначала на компанию «Блэкстоун», а потом на свою собственную, где мы партнерствовали. Затем нашу фирму купила «Дин-Корп», с которой мы и работали в Колумбии, и Рэй перешел к ним на управленческую должность, потом в новую компанию с совместным британско-эмиратским управлением, а я уехал в Испанию, решив завязывать с приключениями и вести семейную жизнь, вложив заработанное в пляжный клуб.

Сейчас Рэй сидел начальником охраны нефтяного терминала на острове Арзанах, что расположился в Персидском заливе и принадлежал эмирату Абу-Даби, и он же мне сказал, что им в категорической форме запретили вакцинацию тем препаратом, который распространяется по всему миру. Предписан просто карантин, маски и перчатки, желающие же могут бесплатно получить прививку той вакцины, которую рекомендовать для всемирного распространения не стали.

Это и насторожило больше всего, потому что нефтяной бизнес и крупные частные военные подрядчики существуют не просто так. Вся эта система пронизана связями и контактами с самыми разными организациями и самыми разными людьми. И если руководство компании взяло на себя ответ-

ственность пойти наперекор действиям своих правительств – тому точно должна быть причина. Наверняка. Может быть, настоящая, может быть, ложная, но она есть. И нам пока надо выждать. В карантине.

Карантин – это свободное время, а в наши дни свободное время равняется слову «Интернет». И я в этом самом Интернете сидел чуть ли не круглосуточно. По ходу блуждания по Сети за той, «альтернативной» вакциной всплыло имя Джеймса Бреммера – миллиардера со «старыми деньгами», известного своим несколько эксцентричным поведением. Что-то я о нем знал, что-то нашел во Всемирной паутине за время своего яхтенного затворничества. Ну, пока еще Интернет работал.

Из всего выходило, что на самом деле существовало два Бреммера, как мне показалось – публичный и настоящий, от взоров публики укрытый. В свое время этот молодой житель Коннектикута унаследовал немалое состояние, вложенное все больше в месторождения меди и никеля по всему миру. В отличие от многих других наследников он не стал жить на проценты, а взялся управлять семейным делом решительно и энергично, быстро проскочив из разряда «миллионеры» в «миллиардеры», как бы ни помогала ему в этом инфляция. Его интересы распространились на все, во что можно было вкладывать деньги. Он работал что с прямыми инвестициями, что с биржевыми бумагами – и везде успешно. Недвижимость, производство продуктов питания, банки, морские

перевозки, крупная авиакомпания, нефть, – всюду он поспевал, как тот «наш пострел». Но эта часть его жизни была публике скучна и неинтересна, так что освещалась скудно. И действовал он все больше через компании-прокладки.

Публичная же известность, пусть и далеко не широкая, пришла к Бреммеру тогда, когда он выкупил шахту из-под баллистической ракеты в медвежьем углу, куда только самолетом добраться и можно, и из этой шахты, равно как и прилагающегося к ней бункера, оборудовал себе роскошное убежище на случай Судного дня. Ну, об этом посудачили в прессе, взяли какие-то интервью, даже показали это убежище на канале «Нэшнл джиографик», да на том и замолчали.

Бреммер же взялся вкладывать деньги в уже не коммерческие, а просто необычные и даже убыточные проекты. Он финансировал создание легкого самолета, на котором сам облетел вокруг света на одной заправке. Потом повторил это на дирижабле и даже начал эти дирижабли строить и эксплуатировать в Калифорнии, где очередная его компания возила экскурсантов. Миллиардер инициировал создание «Хранилищ Судного дня» в Арктике, куда складывались запасы всевозможных семян и прочего, чем люди должны были снова засеять землю после конца света, причем сумел привлечь к финансированию вполне серьезных и не склонных к эксцентричному поведению людей.

Затем Бреммер начал инвестировать деньги в компании, разрабатывающие генно-модифицированные продукты. За

это он стал мишенью для оплевывания всякими «зелеными» и прочими «гринписами», но ему было на них всех начхать, судя по всему. Именно он финансировал создание «золотого риса» – новой культуры, богатой бета-каротином, которая должна была спасти новые поколения жителей Азии от болезней глаз. «Гринпис» и остальные изошли дерьмом, нанятые ими люди уничтожали посевы золотого риса, и для них, привыкших к тому, что их самих обижать нельзя, сюрпризом оказалась неожиданная атака со стороны властей многих стран, начавшаяся одновременно с мощнейшей антипиар-компанией, после которой они тихо заткнулись и предпочли не отсвечивать, чтобы не прекратился поток пожертвований. За всем этим можно было заподозрить тоже руку Бреммера.

Дальше – больше. В одном из своих публичных выступлений Бреммер заявил, что угроза терроризма куда шире, чем кажется людям, которые читают газеты. Терроризм – это не упавшие башни Торгового центра в Нью-Йорке, это все кустарничество и глупость. Терроризм – это то, что технологии той же генной модификации становятся все доступней и доступней. И если в одной лаборатории могут разработать помидор, который не гниет в ящике две недели, то в другой с тем же успехом могут разработать холеру с попутными симптомами столбняка, и ничего такого уж архисложного в этом нет. А потом распространение этой заразы парализует весь мир, и тогда с террористами надо будет считаться по-

настоящему.

Большинство людей, естественно, все это пропустило мимо ушей, информация из телевизора вообще течет через голову большинства населения планеты, как дерьмо через коллатор, нигде не задерживаясь, разве что самой липкой и вонючей частью оседая на стенах, но сам Бреммер купил компанию «Байотик рисерч» из Чарлстона и вложил в нее поистине огромные деньги, заявив, что не доверяет биозащите цивилизованного мира правительствам и намерен сам противодействовать будущим угрозам.

Без особой помпы эта компания за довольно недолгий срок получила много патентов и даже разработала препараты для лечения нескольких экзотических инфекций, но больше, до последнего времени, об этой программе Бреммера не говорили. До тех пор, пока он сам не выступил с речью о том, что новая вакцина опасна, последствия ее применения могут быть непредсказуемы.

На него зашикали, обвинили в банальной попытке перехватить гигантский заказ, все шло своим чередом, а потом вот пришли новости от Рэя.

Впрочем, новости от него на этом не закончились. Еще через пару дней Рэй сообщил, что его компания предложила своим сотрудниками провести эвакуацию семей. Причем за счет самой компании.

«Что-то случилось всерьез?» – спросил я в «скайпе», по которому мы переписывались.

«Кто-то что-то знает. И еще говорят, что половину доли у нас перекупил как раз Бреммер».

«И что ты о этом думаешь?»

«Парень плавает в этом дерьме уже много лет, он ждет чего-то плохого. Я больше доверяю ему, чем политикам».

«Что-то еще?»

«Граффа и его «Эл-Сервис» помнишь?»

«Естественно».

Эрика Граффа помнят все, кто хоть что-то слышал о частных военных компаниях. Человек создал крупнейшую из них, «Блэкстоун», потом у него начались проблемы на родине, а сам он взялся создать частную армию для правителей ОАЭ, которые своим не слишком доверяли. Набрал туда американских и европейских инструкторов, а к ним рядовыми – колумбийцев, облажался по-крупному, потому что колумбийцы оказались никудышными солдатами в этих условиях. Проект вроде бы увял, хотя под него в пустыне была построена большая база, а для несостоявшегося войска закуплено множество оружия и техники. Потом как-то разговоры об этом проекте прекратились, он был заморожен. А теперь?

«Графф набирает людей в Штатах и в Европе, много. В основном по рекомендациям, не всех подряд, причем по конкретному списку специальностей. Предлагает огромные зарплаты, и, что интересно – им запрещены прививки, как и нам. А вчера чартерами начали вывозить их семьи. Не сюда».

«А куда?»

«В Порт-оф-Спэйн. Это Тринидад».

Ослышаться я мог, но вот «обчитаться» не получится. Так и написано: «Тринидад». А этот остров здесь каким боком?

«Почему?»

«Насколько я узнал, там после смены правительства начались проблемы, боятся переворота. Наняли людей из «Дин-Корпа» по факту руководить местными службами. Заодно открыли тренировочную базу. Семьи размещают как раз на этой базе».

«И что дальше?»

«Я не знаю. Зря ты бросил работу, было бы проще».

Может, и так, проще. Ладно, но почему семьи летят на этот самый Тринидад, а не туда, где зарабатывают почти халважные нефtedоллары их папаши – бывшие «маринз», «тюлени», «дельты», САС и прочие со всего мира? Вот почему?

Объяснение у меня получается одно: папаш перебросят к семьям. Что общего между Тринидадом и Персидским заливом? Нефть, много нефти. А газа, если верить Википедии, у Тринидада и вовсе хоть залейся. И там действительно сменилось правительство с левого на правое. И новое правительство очень не любит Венесуэла, до которой с Тринидада доплюнуть можно, а с нее до Тринидада. И да, в Сети есть упоминание того, что компания «Дин-Корп» привлечена для формирования «нового поколения» служб безопасности Тринидада и Тобаго. И да, правительство страны предо-

ставило компании площадь под тренировочный лагерь, где те и развернулись.

Тогда каким боком к этому всему эпидемия и прочее? Черт его знает, у меня пока в одну кучу это никак не собирается.

Попутно Рэй сказал, что несколько частных военных компаний проводят дополнительный набор бойцов и всевозможных специалистов.

«Кто-то бросил на стол большой мешок денег, похоже», – писал он.

Прошли дни. Вакцина распространялась по всему миру, и одновременно с этим террористы, словно чувствуя конец своего проекта, стали еще активней, вгоняя в панику население целых стран. В Портланде, штат Орегон, группа ливийских мигрантов угнала грузовик-опрыскиватель и проехалась на нем по центральным улицам города, заполнив его бочку разведенным в воде гелем, распыляя эту водяную взвесь в воздухе и заразив тысячи человек, а затем они взорвали себя, когда полиция попыталась их задержать. В Гавре, во Франции, двое были задержаны при попытке заразить водопровод. Исполнителей ловили по всему миру, накрывались целые террористические цепи, но выйти на тех, кто распространяет заразный гель, не получалось. Он был везде, но источник так и не отслеживался, все цепочки обрывались.

Зато пошла повальная вакцинация, подхлестнутая паникой. По всему миру. Были привлечены все силы – ООН, ВОЗ

и прочие, врачи-добровольцы, местные медики – все. Первыми, естественно, проходили ее военные, полиция и все те, от кого зависел порядок и спасение. Организованно, в обязательном порядке. В это время через Интернет распространилось обращение Бреммера, призывавшего отказаться от новой вакцины и сославшегося на какие-то данные, полученные его лабораториями. Выглядел он уставшим, растрепанным, и если не знать, кто это говорит, его можно было принять за помешанного. Сразу за появлением его обращения на него спустили всех собак – десятки официальных лиц со всего мира, эксперты, специалисты. Каждый считал своим долгом в него плюнуть. И говорили, говорили и говорили о конце эпидемии так много и уверенно, что даже я им поверил и подумывал о том, что, может, все же?..

А затем... затем, еще через пару недель, начался конец света. И началось все с военных, полицейских, медиков, пожарных и всех тех, кто прошел вакцинацию первыми.

Были какие-то новости и заголовки, посыпались ролики на Ютуб, но все закончилось быстро и как-то сразу. Отваливалась Сеть, отключались каналы, города оставались без электричества.

Вот теперь конец состоялся.

* * *

В тот день, когда я впервые увидел это своими глазами,

все было как обычно в последние дни – скучные дети, утомленные безвылазным сидением на лодке, загорающая на палубе жена. Позавтракав, поднялся к ней на палубу, присел рядом, погладив по спине.

– Я хочу сходить осмотреться, – сказал я ей.

– Куда?

– Пока в сам порт. Потом, может быть, в Сотогранде.

Она перевернулась на бок, поднялась на локте, надев темные очки, так что вместо ее глаз я видел теперь свое отражение в выпуклых стеклах.

– И что ты надеешься увидеть?

– Надеюсь скорее почувствовать. Хочу понять, где мы находимся, лучше становится или хуже.

– Пишут, что лучше.

– Писать нетрудно, не врать при этом – сложнее.

– Ты будешь осторожным?

– Разумеется.

– Про маску и перчатки надо напоминать?

– Нет. – Я нагнулся и поцеловал ее в губы. – Все нормально, я помню.

Ни маской, ни перчатками сейчас было никого не удивить, в них половина людей ходила. Так что я достал из стола очередной респиратор, нарисовал на нем маркером улыбку и надел на себя, натянув резинку. Затем втолкнул руки в тонкие латексные перчатки, вытащив их из коробки.

Убедившись, что жена меня не видит, вытащил из запер-

того ящичка стола компактный «Heckler & Koch P2000K» в кожаной кобуре с клипсой, сунул его за пояс джинсов, зацепив клипсу за их пояс, под ремнем. И уронил сверху майку – так не видно, нормально. Потом подвесил поч с запасным магазином.

Не думал, что в пистолете потребность возникнет, но все же про всякое болтали во время эпидемии. И про активизировавшихся грабителей, и про вламывающиеся в дома румынские, албанские и цыганские банды – всякое. Так что лучше пусть он со мной будет.

В марине было пусто и тихо. Похоже, что за последнее время сюда вообще никто не заходил. И не убирал, потому что вдоль бордюров намело немало сухих листьев и всякого мусора. Они шуршали под легким ветром, но так слабо, что даже плеск совсем мелкой волны забивал этот звук. Ну и чайки что-то разорались.

Вообще странно, разгар лета – и такая пустота, это пик сезона, и сюда съезжаются все, кто купил или арендует виллы или апартаменты в окрестностях. Место здесь такое – зимой пусто, летом полно.

Но так признаки жизни все же имеются: кто-то сидит на балконе в доме, выстроенном на пирсе, курит, кто-то возится у лодки, палубу моет, кажется. Вон два немолодых мужика идут куда-то, болтая, причем оба в таких же масках, как я. Еще подумалось, что скоро жизнь вернется в нормальное русло и все будет как раньше. А потом и людей снова здесь

прибавится.

Затем я с удивлением обнаружил, что в порту работает два бара. В одном было пусто, человека два всего сидело на веранде, а во втором – стеклянном павильоне со столиками вокруг – было даже людно. Несколько мужчин и женщин расселись за столом с чашечками кофе и громко болтали, еще несколько человек смотрели англоязычные новости по телевизору. Маски были почти у всех, но не на лице, все больше на шею спущены или подняты на лоб. Похоже, что тут уже особо инфекции не опасались. Хотя Испанию, как и другие европейские страны, ударило сильно, счет умерших шел на тысячи и тысячи.

«Кофе выпью, – как-то сразу решилось мне. – Послушаю людей, и если здесь все тихо, то вернусь с семьей. Хотя бы так пока. Будет лучше – будем выбираться дальше, а то дети взаперти с ума сойдут».

Сел за крайний столик, опустил маску на шею, хоть и подумал, что совершаю глупость, вытянул ноги. Подошел бармен – в маске, кстати, на которой написано «Hi!».

– Доброе утро, – поприветствовал он меня. – Что вам принести?

– Капучино, пожалуйста.

– Минутку.

Кофе в баре в марине – замечательно. С видом на песочного цвета дома, белые лодки и синее море. Точно вернусь со всеми, только надо следить, чтобы Сашка маску не стаски-

вала, она ненавидит шапки, маски и даже тесные воротники.

Жара дневная еще не навалилась всерьез, ветерок с моря. Здесь, в Сотогранде, вообще не так жарко, как у нас в Лас-Чапас, хотя езды тут минут сорок, не больше. Из-за ветра. Поэтому и яхты здесь больше стоят парусные, а там моторные. И школа парусная здесь же, мне отсюда и ее вывеска видна, и даже яхта, на которой меня учили, только там сейчас нет никого.

Так что, заканчивается все? Как-то слишком сейчас здесь хорошо для того, чтобы в это не поверить. И вон даже по ящику как раз показывают, как где-то в Азии детям вкалывают вакцину, и вроде пока ничего ни с кем не случилось, нет?

В порт заехал «Ситроен» «Полисия насьональ» – темно-синий, с мигалками на крыше, два человека внутри. Подкатили к бару, на них никто не обратил внимания. Ежу понятно, что за кофе приехали, что им тут еще делать? И точно, из машины вышли два высоких худых парня в форме такого же цвета, как и сама машина, и неторопливо прошли в бар, усевшись за стойку. Испанец без утреннего кофе, выпитого где-то в баре, помрет, наверное. Много баров в офисных районах, например, вообще работают забавно: бармен варит «safe con leche», то есть кофе с молоком, разливает его в маленькие прозрачные чашки-стаканчики и просто выставляет на стойку, даже не глядя, сколько там клиентов. А те кофе разбирают и выкладывают монетки по одному евро – цену порции. И клиенты все на работу идут, а по пути за этой ча-

шечкой заходят. Традиция.

Парни взобрались на высокие табуреты, перекинулись парой слов с барменом, который как раз выходил из-за стойки с чашкой моего капучино на подносе. Потом я о них забыл на пару минут, погрузился в свои мысли, тем более что сидел ко входу в бар спиной. И когда раздался грохот упавшего табурета, буквально подскочил на месте от неожиданности.

Затем все произошло очень быстро. Я обернулся и увидел, что один полицейский лежит на полу, по лицу течет кровь, но вид у него скорее ошеломленный донельзя, а второй, с каким-то диким выражением лица, стоит над ним и пытается выдернуть из кобуры пистолет.

Закричали женщины, какой-то толстый дядька с бородой, одетый в красную рубашку поло и белые шорты, вскочил из-за столика и замер статуей, не зная, что делать. Бармен прижался к стене, так и стоя на своем месте. А я, инстинктивно хватаясь за кобуру, рванул в сторону, подальше от полицейского с пистолетом, который непонятно что собирался сделать.

А затем вдруг началась стрельба, и крики стали громче. Я видел через стеклянную стену бара, как стоявший на ногах выпустил в своего коллегу две пули, а затем всадил еще несколько в бармена. Белая рубашка того сразу покрылась расплзающимися красными пятнами, и он как подкошенный завалился в проход, ударившись головой об пол.

Кто-то побежал, на веранде началась бестолковая суета,

все орали, а полицейский каким-то деревянным шагом, держа пистолет в одной вытянутой руке, вышел на улицу и выпустил остаток магазина в публику, свалив еще двух человек. Упал бородач в красной поло и женщина с прической «под Викторию Бэкхем», свисавшей нелепыми хвостами, причем женщина просто села на асфальт, зажав руками рану в животе и с недоумением глядя на текущую сквозь пальцы кровь.

Я сам не заметил, как «хеклер» оказался у меня в руках, полицейский был у меня на мушке, а сам я присел за столиком, опираясь на столешницу руками, но... стрелять в полицейского? И что мне делать потом? Сдаваться? А у меня семья на лодке. Бежать? И что, не найдут?

Стрелок остановился, огляделся по сторонам, несколько раз шелкнул курком, целясь в убежавшего толстого мужика, потом с недоумением посмотрел на опустевший пистолет у себя в руках. Но он просто отбросил его в сторону, взял двумя руками тяжелый кованый стул, поднял его и со всей силы обрушил на голову зажимавшей рану в животе женщины. Послышался хруст и грохот упавшего стула, женщина свалилась на бок, со все тем же выражением недоумения на лице, а ее дурацкая прическа вдруг начала промокать кровью.

Люди вокруг замерли, никто, кажется, не верил своим глазам. Убийца обвел всех каким-то диким, безумным взглядом, посмотрел на свои руки, потом, словно спохватившись, нагнулся за пистолетом, одновременно вынимая запасной магазин. А я все так же продолжал тарашиться на него, не

стреляя, не убегая и не делая вообще ничего – словно замерз, как столбняк напал.

В полной тишине, что воцарилась вокруг, было слышно, как упал на пол пустой магазин, а на его место встал полный, затем полицейский, словно забыв все, чему его когда-то учили, долго пытался вспомнить, как затвор снимается с задержки, но потом все же вспомнил, и первый патрон встал в ствол, а затем я с ужасом увидел, что его взгляд, похожий на взгляд совершенно обдолбанного наркомана, вдруг сфокусировался на мне.

«Сейчас выстрелит!» – Мысль возникла и сразу превратилась в уверенность.

Убегать поздно, укрыться негде.

Полицейский.

Так просто это не закончится.

Не знаю почему, но заорал я по-английски, не к месту всколыхнулись приобретенные за годы работы инстинкты:

– Freeze! Don't fucking move!

Зрачок пистолетного ствола уставился прямо в меня. «Хеклер» дважды резко дернулся в моих ладонях, выпустив две пули полицейскому в грудь, а затем еще раз, когда третья ударила того в середину лица.

Они здесь не носят бронежилеты, те обычно в багажниках лежат. Жарко и незачем, здесь серьезной преступности почти нет.

Поэтому все три ударили куда надо, полицейский умер,

наверное, раньше, чем упал. Подогнулись колени, а потом он
ткнулся лицом в землю.

Все.

Запах пороха и крови.

– Твою мать, – сказал я, поднимаясь на ноги и оглядыва-
ясь. – Бойня...

Два трупа в баре, три на веранде, считая убийцу.

Приехали.

– На хрен, – пробормотал я по-русски, убирая пистолет в
кобуру. – На хрен все, я ушел.

И ушел. По пирсу, в противоположную от моей лодки сто-
рону. Обогнул марину по кругу, благо на это больше десяти
минут не надо, вышел на причал и позвонил на мобильный
сына:

– Возьми лодку и сними меня с причала. Да, вот с этого,
смотри, я рукой тебе машу.

Он меня заметил.

Огляделся – пока за мной никто не гнался, и на самом
причале, и на подъезде к нему было пусто. Найдут, понятное
дело, но... почему-то сам вызывать их я не хочу. Может, ну
его, просто сняться отсюда и перебраться... ну, хотя бы в
порт Бануса? Или в Кабопино?

Нет, без толку, все равно найдут.

Уже к вечеру этого дня я понял, что меня не найдут. И не станут искать. И убитый мной полицейский уже никого не волнует. Люди начали сходить с ума, один за другим. Да, как раз полицейские, военные, пожарные и врачи. В первую очередь. Бросаясь на коллег, пациентов, задержанных. У кого было оружие – тот стрелял, у кого не было – бросался с ножами, мебелью, душил, вцеплялся в глаза, с диким криком, истекая слюной, как бешеное животное.

Я помню свои ощущения – какой-то холодный ком в животе стоял все то время, что я смотрел новости и опять искал информацию в Интернете. Уже к вечеру степным пожаром разнеслась новость – это вакцина. Непроверенная новая вакцина, которая разошлась уже по всему миру. Среди ночи появилось еще одно заявление Бреммера, которое иначе и назвать было нельзя как «Будьте вы прокляты», в котором он обращался к правительствам и ООН.

Ночью пришло сообщение от Рэя:

«Мы отплываем на Кюрасао». И все. Отослано с мобильного телефона. Думаю, что отсылал он его откуда-то в спешке. На мой вопрос он уже не ответил, был оффлайн.

Днем я несколько раз слышал стрельбу, а крики доносились с берега постоянно. Я вытащил из тайника еще и дробовик, выложил его на стол, а с пистолетом больше вообще

не расставался.

Ближе к вечеру, часов в пять, на причал вышли двое: рослый пожарный с короткой черной бородой, со звоном волочащий за собой по асфальту пожарный топор, и какой-то мелкий парнишка лет семнадцати, который нес обломанную острую палку. Его лицо было измазано кровью, словно он жрал мясо, как собака, в крови же были и руки, по самый локоть. Пожарный прихрамывал. Я помню, что услышал их дыхание – тяжелое, с присвистом и сипом, частое, как у собаки на жаре.

– Гадство, – сказал я, схватив дробовик и поднимаясь из рубки на палубу.

– Ты что, с ума сошел? – Жена смотрела на меня, не веря своим глазам.

– Пугану, если сунутся, – сказал я, не веря уже самому себе.

Пугануть не получится. Достаточно посмотреть на их лица – злобные и совершенно, абсолютно безумные. Я это вижу. Таких только валить, если кинутся.

Нас увидели. Не знаю, что занесло их на этот пирс, но увидели нас они только сейчас. Подросток присел, словно желая стартовать с низкого старта, худое его лицо странно перекопилось, окровавленный рот открылся, и он заорал. В крике ничего человеческого не было, это уже был вой животного, увидевшего добычу и жаждущего убийства.

Они бросились вперед разом, оба, каждый занося свое

оружие для удара.

– Стреляй! – закричала жена за спиной, но уж об этом напоминать мне точно не требовалось.

Дробовик гавкнул раз, ударив в плечо, порция картечи попала подростку в низ груди, заставив согнуться пополам. Скользнуло назад и вперед цевье, выбрасывая гильзу и загоняя в ствол следующий патрон. Пожарный бросился не по прямой, а побежал по дуге, занося топор для удара и глядя в глаза мне, и словно льдом осыпало – такой концентрированной злобы и ярости я никогда в своей жизни не видел. Мне просто стало страшно. Вот теперь стало страшно по-настоящему, до усрачки.

Его маневр и, главное, взгляд, сбили прицел, второй мой выстрел прошел мимо, а через секунду он уже подбежал к краю причала и прыгнул к нам на корму. И наткнулся на удар прикладом дробовика в грудь, отбросивший его назад. Он завалился, зацепившись каблуком тяжелого ботинка за край борта, затем ударился затылком о причал и упал в воду, с брызгами и все тем же истошным криком. И я, перегнувшись через борт, выстрелил в него снова, почти в упор. Плеснуло, воду окрасило кровью, а затем он исчез под водой и больше уже не всплывал. Затем я снова выстрелил в подростка, который корчился на причале. Он затих.

– Что это? – Голос жены был тихим и совсем потерянным.

– То, о чем говорят. Вакцина, – ответил я, перезаряжая ружье.

– И что делать?

– То же, что пока и делали. Только от причала уйти надо. На якорь. Чтобы до нас было не допрыгнуть. Ярек, – повернулся я к сыну, статуей замершему на выходе из рубки, – заводи двигатель. Слышишь? – Он вроде кивнул, медленно, словно преодолевая ступор. – Заводи. Нечего нам здесь стоять. И хорошо, что Сашка в каюте. Хотя бы она не видела.

На наши выстрелы никто не пришел и не приехал. Труп подростка так и остался лежать на причале. Мы отошли от причала метров на двадцать и сбросили якорь, остановившись почти у самого выхода из порта. Здесь до нас точно не допрыгнешь. Правда, психанутый полицейский еще и стрелял, так что лучше и выстрелов опасаться.

Скука исчезла, она сменилась беспокойством и откровенным, тяжелым, давящим страхом. К утру, когда мы подошли обратно к причалу, чтобы подсоединиться к электричеству и зарядить все, что можно зарядить на борту, отрубился Интернет. Только что работал, а тут раз – и отключился. Вместе с мобильной связью, которая у нас была от того же провайдера. Телевизор продолжал что-то принимать, но все, что можно было видеть – уже неновые съемки врачей с вакциной, портреты пойманных террористов, все в записи и без комментариев – и никаких настоящих новостей. Электричество хотя бы не отключилось. И радио, радио еще осталось, некоторые станции продолжали вещать. Нет, никто не говорил, как спастись и куда эвакуироваться, они просто расска-

зывали о том, что люди сходят с ума и бросаются на других людей. Больше им нечего было сказать, потому что в первую очередь свихнулись те, кто и должен был спасать остальных.

– Что будем делать дальше? – спросил сын после того, как он подсоединил кабель к разъему и перешагнул обратно на борт «Одиссея».

– Я пока не знаю, Ярек. – Я посмотрел ему в глаза.

Выглядел он... нормально он выглядел, уверенно. Держится.

– Ладно, подожди минуту, – добавил я, натягивая латексные перчатки. – А то этот вонять скоро начнет. Уже начинается, – добавил я, показав в сторону убитого подростка.

Перебрался на причал, присел возле трупа. Ну... подросток как подросток... если не считать следов крови на лице и руках. Это что? Он ел что-то? Странно. Зомби какие-то, хотя и не зомби. Зомби, если верить кино, мертвые, а эти точно были живыми. Просто опасными психами. Но живыми. И убило их, как и всех людей. Подростку заряд картечи попал в живот, а второй, которым я его добил – в грудную клетку сбоку. Зомби от такого не умирают, если верить кино. И кровь из зомби так бы не текла, потому что они мертвые, а из этого потоком хлестала.

Схватил труп за запястье, подтащил к краю причала и столкнул в воду. Всплывет? Нет, не думаю, для этого в нем газ должен скопиться, а этот... весь дырявый. Не скопится. Наверное. Пусть лучше под водой, чем лежит совсем ря-

дом. Сашка боится выходить из каюты и смотреть в ту сторону. Правда... что-то мне подсказывает, что ей еще придется смотреть... на всякое.

Прошло еще три дня. Дети уже не рвались никуда с яхты, Сашка играла молча, она стала непривычно задумчива и тиха. И вот теперь стало уже совсем страшно, пришло осознание, пусть и с опозданием. Мы не видели всего самого жуткого, отсюда, из тихого угла спортивного порта. Прошла мимо нас паника, прошла смерть, прошли чудовищные пробки на дорогах, которые успел показать телевизор, потому что люди в последней попытке убежать то ли от своего страха, то ли от самих себя, срывались с места и ехали неизвестно куда с непонятной надеждой. Яхта стала нашей «башней из слоновой кости», и только потом, когда вдруг сначала стало тихо, а потом появились страшные тени ночью, мы наконец осознали, что оказались в ночном кошмаре, ставшем реальностью. И выхода из него нет, совсем, и то, что уже свершилось, никак обратно не отмотать, не получится уже.

Но даже в самые мрачные моменты жизни случается что-то хорошее. В одно утро, когда мы сидели в кокпите и пытались обсуждать будущее, в порту появилась знакомая яхта – Майк Робертс. Точнее, сначала он неожиданно вышел на связь по радио и сообщил, что идет к нам. И потом уже пришел. Его «Шутник» неторопливо вошел в марину под дизелем, а я уже ждал его, стоя на баке «Одиссея» – к этому времени заработала уже и короткая связь между нами.

– Привет всем, – крикнул он, подводя свою лодку к нашей. – Итак, я за вами!

– За нами? – спросила жена.

– За вами, Джанин, за вами, – Майк улыбнулся во все тридцать два вставных, белозубо и неотразимо. – Мы с вашим мужем немного переписывались в Интернете, потом перебалтывались по радио, и я решил попробовать вас здесь застать.

Вообще-то жену зовут не Джанин, а Янина, она полька, хоть познакомились мы в Москве, но в местном англоязычном окружении она превратилась в Джанин, даже я к этому постепенно привык. Сейчас, наверное, удивился бы, если ее кто-то назвал бы правильным именем. Хотя я называю, изредка. Могу даже Джанин назвать, но уже с долей ехидства.

«Шутник» Майка пришвартовался рядом, и после недолгой возни и суеты он сам перебрался к нам, не отказавшись от кофе, пусть и растворимого – запас нормального уже закончился, когда сидишь на лодке безвылазно, кофе расходуется в диком темпе. Я заметил револьвер у него за поясом, показал на него, спросил:

– Пришлось использовать?

– Да, пришлось. – Майк помолчал, подбирая слова. – Очень много плохого там, – кивнул он куда-то туда, где должны были угадываться очертания гибралтарской Скалы. – Гибралтарский полк сначала призвал резервистов, а потом весь гарнизон базы сошел с ума в полном составе.

С резервистами. Улицы забиты психами, причем даже вооруженными. Мне кажется, что в Гибралтаре уже никого не осталось, только эти сумасшедшие и трупы. Дэннис, мне кажется бредом, но... они едят трупы, ты видел?

Жена побледнела и отставила чашку.

– Я догадывался, – кивнул я, вспомнив перемазанные кровью лицо и руки подростка. – Что с ними?

– Откуда мне знать? – Майк пожал плечами. – Меня дважды попытались убить на пирсе, я с трудом отбился. – Он похлопал по обрезиненной рукоятке револьвера. – У вас есть планы? У меня есть, – добавил он, не дожидаясь встречного вопроса.

– Какие?

– Мне надо забрать сына из Портсмута.

Ну да, сам Майк из Портсмута, и сын у него в Англии, это я знаю хорошо. Работает, к слову, в компании «Агуста-Вестлэнд», которая вертолеты строит, он инженер. И еще он яхтсмен, как и отец, и отец Майка, к слову, тоже был яхтсменом, это у них наследственное. А сейчас, как оказалось, еще и спасительное.

– Он как?

– Мы говорили вчера вечером, связь еще была. Он по-прежнему сидит на лодке посреди озера Фэрхам. Это на самом деле залив, – добавил он, – с моря легко подойти. Я уговорил его подождать с прививкой и теперь должен поблагодарить тебя за то, что ты уговорил подождать меня. Дэннис,

ты меня, наверное, спас.

Ну да, выходит, что спас. А меня, опять же выходит, спас Рэй. А ведь я вполне мог собрать всю семью в машину, поехать в госпиталь «Кирон», в котором мы обычно и бываем, случись заболеть, и там бы привились. Даже как-то думать об этом... не хочется.

– Вспомнился анекдот про излеченного параноика, которого застрелили в дверях психушки сразу после выписки, – довольно невесело усмехнулся я. – Ты приглашаешь нас присоединиться к походу?

– У вас другие планы? Есть вообще какие-то планы?

Не было у нас планов до его появления. А теперь есть. Когда у нас есть сам Майк с его опытом океанских походов, и есть, наверное, его сын, который тоже много где ходил. Как только они возникли – появились и планы.

Вообще-то общность интересов решает многое. Мы сошлись с Майком на почве того, что оба любим пострелять – и в результате нас уже два вооруженных и умеющих стрелять человека. Он приохотил меня к парусам – и теперь мы можем даже собрать экипаж. И яхты у нас есть, те самые, которые не требуют заправки и могут идти куда угодно, хоть и медленно. Интересно, а что бы мы сейчас делали, если бы нас объединила, скажем, любовь к авангардному балету? Я не очень хорошо знаю, что это такое, но наверняка любовь к нему тоже способна объединять людей. Танцевали бы?

– Я знаю, где мы можем быть в безопасности, – сказал я. –

Но мне одному туда не добраться.

– Куда?

– На Кюрасао, насколько я понимаю.

Повисла пауза, Майк явно пытался оценить мое душевное здоровье.

– На Кюрасао? – Он все же был явно несколько шокирован. – Там-то что может быть такого, что вдруг стало опасно? Я был на Кюрасао, давно, правда, но был. Там безалаберные люди и самый большой в мире бордель под открытым небом почти что на выезде из аэропорта. Я что-то пропустил?

При этих словах Янина посмотрела на меня с подозрением, да и сын как-то явно заинтересовался.

– За борделем? Очень возможно, – усмехнулся я. – Ту-да уехало много вооруженных людей, которым запретили делать прививки. И я многих там знаю. Кого-то лучше, кого-то хуже, но знаю. Почему именно туда – не скажу, но к этому явно готовились.

Майк задумался, потом пожал плечами и просто сказал:

– Тогда нам нужна лодка побольше. На этих будет тесно, и вообще в океане большая яхта лучше маленькой.

– А у нас маленькая? – тут уже удивилась жена.

– Смотря с чем сравнивать, – усмехнулся Майк. – Перед тем как все это началось, в Пуэрто-Банус зашла «Пола Роса», она там часто стоит.

– И это...

– Семьдесят восемь футов. Шесть гостей плюс двое членов экипажа. Хватит места на всех, включая Шивонн.

– Кого? – не понял я.

– Девушку сына, он же там не один на лодке. Ее зовут Шивонн, она наполовину ирландка и наполовину испанка, поэтому твердо уверена, что с таким сочетанием ее не возьмут замуж. Они здесь познакомились.

– Странное имя.

– Старинное ирландское. А так да, редкое.

Интересно, я без Майка бы решился отправиться на Кюрасао? Наверное. Потому что мне ничего другого не остается, мне туда *надо*. Но с Майком я туда почти точно доберусь, как мне кажется.

– Так что мы решаем?

– Я согласен, – сразу ответил Майк.

Ну да, так все сразу, просто и обыденно. Но ведь действительно, а что нам еще остается? Мы же смотрим с борта яхты, слушаем радио. Все, конец света уже наступил, быстро и сразу, как-то раз – и уже ничего нет. Так что да, пусть у нас лучше будет цель – дойти до Кюрасао. Цель в такое время – это уже хорошо.

– Я все равно не знаю, что мне делать после Портсмута, – добавил Майк. – Так далеко я не заглядывал. А пока надо идти в Банус.

– Надо сначала идти ко мне домой, забрать оружие, – добавил я.

Майк кивнул. Сам он обходился одним револьвером, стрелял из него на двадцать пять метров по бумажным мишеням – и все. Спортсмен, в общем. А я не спортсмен, я стреляю не для очков, а чтобы уметь стрелять. Зачем уметь? А затем, что если вдруг понадобится – ты раз – и уже умеешь. Нет, меня раньше образ жизни заставлял уметь стрелять, но совершенству нет предела. И стволов у меня дома хватает, одних пистолетов еще пять штук, ну и всякого другого немало, считая патроны, так что добираться туда надо, чего бы это ни стоило.

– Для этого нам лучше бросить якорь напротив нашего пляжа, как мне кажется.

– Согласен, – кивнул я. – Ладно, когда выходим?

– Есть план?

План был. Уже на второй день конца света психи на солнце почти не показывались, а вот ночью их стало везде много. Мы видели темные фигуры, бегающие возле порта, слышали крики людей, к которым врывались в квартиры – двери здесь не железные, так что сдержать атаки они не могли. С утра убийцы или... хищники, что ли... пожалуй что хищники, психи, исчезли с улицы, а уже к вечеру этого дня радио сказало о том, что у них не сужаются зрачки и яркий свет для них что нож вострый.

На следующий день, несмотря на протесты семьи, я прошелся по порту и окрестностям, придерживаясь самых освещенных мест. Просто для того, чтобы проверить, насколько

это работает. Даже пистолета не брал, рассчитывая на то, что припадении прыгну в воду и уплыву, ввязываться в драку не хотелось. И да, на меня долго не нападали, может, потому что боялись выходить на солнце, а может, потому, что просто спали – даже этим тварям, в которых превратились люди, когда-то надо отдыхать, как мне кажется.

Потом какой-то длинный худой мужик с воем выбежал из подъезда и погнался за мной, а на его вой откликнулись другие, и еще какая-то фигура показалась из-за угла, но ждать продолжения я не стал – разбежался и с ходу сиганул в воду, пронырнув сколько получится. Длинный свалился с причала следом, не смог остановиться, но в воде заплескался, задержался, забился и почти сразу погрузился, оставив после себя лишь пузыри, а вторая фигура, оказавшаяся бородатым толстяком в обгаженных белых штанах, остановилась на краю причала. Толстяк орал изо всех сил, на одной ноте, глаза у него были налиты кровью, а из перекошенного раззявленного рта капала слюна, но в воду он не полез, так и остался стоять. А когда я отплыл дальше, он убежал, прикрывая глаза руками, и на бегу врезался в фонарный столб – то есть солнце смотреть действительно мешало.

Так что да, какой-то план был. Удачный или нет – не знаю, именно что «какой-то».

– Когда отходим?

– Хоть сейчас, – пожал я плечами. – Или завтра с утра?

– Зачем терять время?

Пес так и бегал по пляжу в отчаянии, а я смотрел и смотрел на него, ощущая себя законченной скотиной.

– «Пола Роса» большая, там найдется место для него, – сказал Майк, явно разгадав мои мысли.

– Я ничего не знаю о собаках, тем более о таких. И если я что-то сделаю не так, а пострадает моя дочь, например, что мне делать тогда?

– То есть ты выбрал.

– Мы всегда должны что-то выбирать, и выбор зачастую между плохим и плохим, а иногда мы даже не можем понять, где же хорошее и где плохое, и выбираем просто наугад, или руководствуясь инстинктом, внутренним голосом – чем угодно, хоть погодой. Но сейчас я выбрал.

– Он погибнет, скорее всего, – сказал Майк. – Слишком привык жить с человеком, ему плохо одному.

– Возможно. Но что я могу сделать для него?

– Возьми с собой.

– Сколько нам идти до Кюрасао?

Майк до этого просидел над картами вечер, делая расчеты, но поговорить мы как-то не успели, навалились другие дела, я был слишком поглощен мыслями о сегодняшнем походе за оружием.

– «Пола Роса» может делать узлов одиннадцать, как мне

кажется, но я рассчитывал время исходя из семи, – лодка покачивалась на мелкой волне у самого борта яхты, рука Майка лежала на рычаге сектора газа, он явно ждал моей команды снова отправиться к берегу. – В таком случае мы будем идти около сорока дней. Пес приживется, я думаю, твоим детям с ним будет хорошо.

– Майк, это амстафф, я не знаю, что от него ждать.

– Ты уже все знаешь, – усмехнулся он. – Собаку чаще видно сразу, особенно такую. Если эта взялась защищать тебя, то она и дальше будет это делать. И защищать твоих детей тоже. Не верь слухам, это хорошая порода, я знаю. Это, может быть, самый смелый и самый преданный пес из всех, что можно встретить. Их выращивали для того, чтобы они ненавидели других собак, поэтому он не жил в стаях и никогда не пытался оспаривать, кто главный в доме. А он, как я вижу, уже признал главным тебя.

– Откуда ты знаешь? – посмотрел я на него с подозрением.

– У моего старшего брата, ныне покойного, был такой пес. В Австралии, в Перте.

– Ну вот ты его и бери, если так нравится, – вздохнул я. – Тебе бы страховки продавать, Майк.

– Я с этого начинал в молодости, пока не перешел в банк. А пес уже признал тебя.

– Это его проблемы, – вздохнул я. – Я его не признал и признавать не собираюсь. Пошли на Пуэрто-Банус, – выругавшись про себя, добавил я.

Когда ты на яхте, время течет по-другому, не так, как ты привык. Скорость маленькая, ты идешь полдня туда, куда ехал двадцать минут по хорошей дороге. Ты возвращаешься на века назад и вынужден планировать все так, как планировали в книгах, написанных классиками. Дойти совсем рядом – день, что-то начать делать с утра – добавляй ночевку.

«Шутник» Майка остался стоять на входе в марину Пуэрто-Бануса, все равно проходили мимо и решили, что нечего кататься на двух лодках сразу. Теперь к нему обратно, ветерок слабый и встречный, так что к вечеру дойдем, а с утра попробуем занять «Полу Росу». Именно с утра, когда рассветет, а я за ночь подготовлюсь как следует, все равно я за единственную ударную силу. Стрелять в неподвижную мишень Майк умеет, но воевать – нет. Так что там в основном для меня работа. Интересно, пса можно как-то задействовать было бы?

Что хорошо в походе под парусом – тишина. Разве что вода плещется. Мои ушли вниз, в каюты, слышу голоса, Ярек с Сашкой играет. В какой-то момент никак не мог понять, кто из нас управляет яхтой, Майк или я – здесь два синхронных штурвала, чтобы можно было на один или другой борт перескакивать, в зависимости от того, куда парус повернут, и вот сейчас Майк сидел на наветренном, а я на подветренном борту. Поэтому оставил управление лодкой ему, пускай, он опытней и вообще так положено, кто на наветренном – тот и рулит.

Так о тишине: к разговорам располагает. Тихо все и медленно, что еще остается делать, тем более когда есть что обсудить?

– Где брать еду в дорогу? – Майк задал самый важный из вопросов после оружия.

Запас какой-то у меня есть, но уже не слишком большой. У Майка почти ничего не осталось. А нам нужно на семь человек, да еще из расчета месяца на два. Много нужно, в общем.

– Не знаю. Где-то надо. Магазины? Я знаю несколько, но все расположены так, что туда ехать страшновато. В Банусе в порту ресторанов полно, но в ресторанах нет ничего.

Действительно, ума не приложу. «Кэш-энд-керри», где я покупал свои запасы? Дойти до Сотогранде, там взять мой пикап и на нем туда рвануть? Место в этой промзоне стремное, если застрянешь, то можно и вовсе не выбраться. Что еще? Склады в промзонах? Они там есть, я уверен, но только я их не знаю. Их сначала специально искать надо, а у нас получится, искать-то? Не уверен я как-то. Я без понятия, как их искать, хоть убей. В том же Пуэрто-Банусе огромный супермаркет, но он в торговом центре, туда к еде пробираться далеко и долго от входа даже в нормальных условиях, а как сейчас?

Где психи прячутся днем? Я видел их в гараже. В доме. В магазинах? Кстати, а что они жрут? Не только же людей, наверное? Или только? Тогда они скоро с голоду помрут, лю-

ди, кажется, уже закончились. А в супермаркет они не могли набиться, к еде поближе? То-то и оно, ага.

Куда еще можно? Вот в портах что есть? Из того же Альхесираса, знаю, разве что апельсины целыми пароходами идут везде. Еда в магазине откуда была? Да со всей Европы больше, из нее половина местной. И что из этого? А то, что возили все больше грузовиками, и опять на те же оптовые склады в промзонах. Промзону я хорошо знаю только одну, «Полигоно индустриаль Гуадалорсе» и окрестные, потому что там есть оружейный и два тира. То есть улицы там хорошо знаю и как туда ехать. А вот что искать...

Кстати, там ведь на углу у самого тира еще один «кэш-энд-керри», так? Ну да. И что нам с того? От берега туда далеко, что там найдем – неизвестно. Но других мыслей нет.

– В порту Малаги есть контейнерный терминал, – вспомнил Майк. – Он там как бы на острове, на берег ведет узкий проход с воротами.

– И что?

– Много продуктов тоже приходит контейнерами. Наверняка. Или уходит.

– Там же их сотни, если не тысячи, как искать?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Пока ничего в голову не приходит.

– Мне тоже, – вздохнул я.

Нет, ну а как? И контейнеры эти стоят штабелями, еще не в каждый заберешься без крана. А еду найти надо. Тут ведь

даже не о предстоящем плавании разговор, а о выживании. Нам нужна еда, чтобы просто выжить, магазинов больше нет. Ну, они есть, но... понятно, в общем.

– Судно, готовое к плаванию, – вдруг сказал Майк. – Если оно большое, то в нем всегда есть еда, много. Потому что экипаж большой. И наверняка много всего для долгого хранения, потому что ходят подолгу. Мне так кажется.

А логично. Разумно. И суда такие в портах есть. Нет, не паромы, которые ходят до Марокко за несколько часов, там еда как в самолете, на одноразовых подносиках под пленкой, а нормальные такие суда, даже грузовые.

– А нас мало, и нам хватит надолго, – подхватил я мысль.

– Точно.

– Тогда в Малагу. Если там ничего не найдем, то в Альхесирас, так?

– Именно.

Ну да, хоть какая-то идея. И главное – на сушу лезть не надо с таким планом, на воде я все же как-то уверенней себя чувствую. До пляжа прорывался – со страху помирал, а как на борту яхты оказался, так расслабился, получается.

Стоп! Ну е-мое, мог же сам раньше сообразить!

– Майк!

– Что?

– Надо идти на Роту.

– Рота? Возле Кадиса? – Он посмотрел на меня с сомнением.

– Майк, это военно-морская база. Там стоят боевые корабли, там есть склады. Мне кажется, что если мы просто сумеем забраться на один корабль, то наверняка найдем там хотя бы пайки. У боевых кораблей немаленькие экипажи, а ходят они далеко и в море находятся долго. Что-то мы там найдем. Даже оружие.

Через нашу компанию нанималось несколько человек из испанского морского спецназа УОЕ, отставников, разумеется. Базировались они в Кадисе, а вот Рота была как раз центром «приложения сил» для них – они постоянно тренировались в утоплении испанских и американских кораблей на рейде, а те, в свою очередь, практиковались в обороне. Позже двое ребят оттуда открыли в Севилье центр по подготовке спасателей и, к слову, очень неплохо на этом зарабатывали. Хороший такой центр, даже с тридцатиметровой глубиной бассейном для ныряльщиков. Заезжал к ним туда пару раз, в компании с Хави – Хавьером, веселым таким парнем, который сейчас уехал работать в Мозамбик. Помню, что на обратном пути он затащил нас к своему бывшему сослуживцу, который держал ресторанчик в маленьком городке, и я там чуть не скончался от обжорства.

Точно, там мы еду найдем. У военных всегда ее много. У них всего много.

– А нас... – начал было Майк, но затем спохватился: – Нет, там же все в первую очередь. Ты знаешь, в твоей идее что-то есть. Туда, а потом в Портсмут и на твой Кюрасао.

Все верно, надо идти на Кюрасао. Если туда отправился Рэй с остальными людьми, то на этом острове должно быть безопасно, я уверен. Это же не просто так все, кто-то пытался «построить ковчег», как мне кажется. Эвакуация семей на Тринидад тоже из этой оперы. Семей – самое главное, так не бывает ни при каких условиях, кроме самых исключительных, это ведь частные компании, которые умеют считать деньги. Значит, там действительно ждали самого худшего, а если ждали, то наверняка еще и готовились. Спасать семьи – это самый лучший способ обеспечить лояльность и преданность. Не знаю, кто там сейчас во главе, Графф или кто-то другой, «Эл-Сервис» или «Дин-Корп», но если они сумеют обеспечить безопасность моей семье, то смогут рассчитывать и на мою полную преданность и лояльность. А я все же не чужой и не последний человек на этом рынке военных знаний и умений.

Погода была тихой и спокойной, можно было встать на якорь и на внешнем рейде, но все же зашли в порт – я хотел этой ночью понаблюдать за берегом. Встали между девятым и десятым причалами, там где-то метров пятьдесят между ними и девятый причал короткий, чтобы дать возможность суперяхтам, что швартуются у десятого, возможность развернуться к выходу из порта. Суперяхты, к слову, были на месте, никуда не делись, с выхода из порта даже карантинный трос никто не сорвал, это мы его срезали, когда заходили.

«Пола Роса», или «Паула Роса», если по-испански, стояла самой последней в ряду, у выхода и яхтенной заправки. Сейчас, увидев эту яхту, я ее вспомнил, случилось ей здесь и раньше стоять. Пуэрто-Банус – это место для прогулок и шопинга куда как популярное, так что самые яркие яхты хочешь или не хочешь, а помнишь. А эта как раз самой яркой и была – единственная парусная среди множества больших моторных. Темно-синие борта, белые стенки элегантной надстройки, деревянная палуба. Два больших никелированных штурвала в кормовом кокпите. Никелированные – это чтобы под знойным солнцем держать было легко. И даже отсюда вижу, что управление дублировано, можно вести яхту и из pilot house, из рубки, а вот это для дальнего похода совсем замечательно.

И да, она действительно большая. Единственная мачта куда-то в небо уходит, а гик висит на такой высоте, что в кокпите даже наклоняться не придется. Поэтому, кстати, из рубки и можно управлять, парус вид вперед не перекрывает.

Дорогая лодка, явно очень дорогая. Под гибралтарским флагом, понятное дело, тут половина всех дорогих под гибралтарским. И красивая, очень красивая, даже на фоне других. Нет в моторных той харизмы, что есть у парусных яхт, и стоит «Паула Роса» на их фоне, как фламинго на фоне страусов. На нее просто хочется забраться, отвязать ее от причала и куда-нибудь идти, далеко-далеко.

Впрочем, нам ничего и не остается другого, мы не в отпуск

ке, мы спасаемся, так что пойдём, именно что «далеко-далеко», никуда не денемся. Если лодка в порядке, то уже завтра она будет у нас.

– Нравится? – спросил Майк, перехватив мой взгляд.

– Дойдет? – ответил я вопросом на вопрос.

– Эта куда угодно дойдет.

* * *

Темнота спустилась по-южному быстро. Было тепло, ночи здесь нежные, приходят они как спасение от дневного зноя, но эта ночь ласковой совсем не ощущалась. Огни на берегу не горели, электричество отключилось, да и неизвестно, было ли вообще кому свет зажигать? Если судить по тому, что видно с борта яхты, то уже не было. А вот психи на причале появились, я даже пожалел, что мы решили зайти в порт, привлекли внимание, и на пирсе собралась толпа из нескольких их десятков, орущих и размахивающих руками. Но потом они как-то быстро потеряли к нам интерес, видимо сообразив, что дотянуться не получится.

Когда психи разбежались по набережной, я уселся наблюдать за ними через прибор ночного видения. И сцены, разыгрывавшиеся передо мной в зеленом свете, вообще заставляли сомневаться в собственной нормальности: не брежу ли я? Это вообще реальность или как? Просто то, что я видел сейчас, никак не укладывалось в систему мира, выстроенную в

моем сознании. Так быть не может, это невозможно. Нет, я не имею привычки отрицать очевидное, если я вижу что-то своими глазами, то я в это верю, поэтому и жив сейчас, но все равно постоянно ловлю себя на странном ощущении – словно я подглядываю через замочную скважину в какую-то другую реальность, не нашу.

А вообще они стали тупее, если сравнивать с первым днем, тем, когда все началось. Об этом говорили по радио, и это я вижу прямо сейчас. Свихнувшийся полицейский, сумевший тогда перезарядить пистолет, сейчас бы повторить это не сумел. Просто расстрелял бы магазин, если бы вообще стал стрелять, а затем бросил оружие или попытался бы им бить. В первые дни они даже что-то говорили, пусть чаще бессмыслицу, просто набор слов, но все же членораздельно. Сейчас у них получалось только выть. Подросток с женщиной, которых я застрелил на причале в порту Сотогранде, пришли днем, а теперь на солнце никто из них не выходил. Психи стали ночными. Одичали. Превратились в животных. Какая-то смесь волков и агрессивных приматов, и до обезьяньего уровня, как мне кажется, опустилось их сознание.

Зато сейчас их было много. Ночь теперь их время, безраздельно их, и я бы не рискнул и шага пройти по улице за пределами убежища, окажись я на суше, просто сидел бы тихо и молился о том, чтобы меня не нашли. И они, как мне кажется, искали еду. Они шарили по разгромленным ресторанам на набережной, откуда уже явно тянуло вонюю гнию-

щей пищи, чем-то громыхали, было слышно, как время от времени между психами вспыхивали драки. Обычно короткие, на пару оплеух, сопровождающиеся воем и визгом, после которых слабейший отбегал в сторону, а сильный оставался у добычи – какого-нибудь полуразложившегося куска мяса. Но однажды крупный, рослый и агрессивный псих, явная местная «альфа», набросился на другого с мясницким ножом, прихваченным где-то на ресторанной кухне, и убил того несколькими сильными ударами. Убил целенаправленно, не в драке, просто подскочил и зарезал.

А затем вокруг свежего трупа начала собираться толпа. Убийца размахивал ножом и пытался отгонять других, но кольцо психов все сжималось и сжималось. Когда здоровяк кидался на кого-то, кто-то другой подбегал к трупу и пытался тащить его в сторону. Его отгоняли, но вместо него добычей пытался завладеть другой. В конце концов убийца отчаялся отбивать добычу и лишь неуклюже откромсал от нее ножом большой кусок и утащил его куда-то за угол, а на остатки толпой накинудись остальные. Кто-то резал труп ножами, а кто-то просто рвал зубами и пальцами. Через час на том месте даже костей не осталось – растащили с ключьями мяса.

В общем, они друг другу в пищу тоже годятся, выходит.

– Ты на что смотришь? – спросила, поднявшись на палубу, жена и подседа рядом.

Ну да, ей берег не разглядеть, темно. И видеть это все вообще не обязательно.

– Так, смотрю сколько психов там и что они делают, – ответил я, отключая ПНВ и откладывая прибор на стол. – Дети спят?

– Да, оба. А мне как-то не спится.

– Почему?

– Мне страшно, – просто ответила она.

– Мне тоже, причем все время. – Я обнял ее за плечи, притянул к себе. – Я с ума схожу от страха, хотя бы за вас. Но мы скоро отсюда уйдем.

– И что будет там?

– Нам там будет хорошо. – Я прижал ее к себе крепче. – Безопасно. Мы будем просто жить семьей и постараемся не вспоминать об этом. – Я кивнул в сторону берега. – Просто семьей.

– Как робинзоны? – усмехнулась она.

– Ну почему же? Вовсе нет. Все будет нормально, я знаю. Доберемся куда надо, а там все решится. Ты знаешь, туда отправились до ужаса решительные и деловые люди...

– Вроде тебя, – усмехнулась она.

– Точно, вроде меня, – согласился я, поведясь на лесть. – Вот умножь меня... ну, в тысячу раз. Или в десять тысяч. И прикинь, что такой мега-я сумеет наворотить.

– Да уж... даже представлять страшно, – уже хихикнула она.

– Вот-вот. А еще всю эту энергию – да в мирных целях. Там будет безопасно, я не то что уверен – я просто знаю.

А как еще может быть? Включаем логику: много опытных бывших вояк, много денег, много оружия, много даже нефти – и изолированные острова. Как еще может быть?

Где-то совсем недалеко от марины вдруг раздались частые выстрелы, кажется, из ружья, так неожиданно, что Янина подскочила, испуганно вскрикнув, а я схватил со стола ПНВ, суетливо нащупывая кнопку включения. Но даже без него я разобрал, что группа психов, все еще остававшихся на набережной, вдруг сорвалась с места и побежала куда-то в проход между домами, завывая и громко топоча. Эхо от их криков метнулось над темной водой, в которой искрами отражалась луна. Снова выстрелы, затем крики стали громче, хоть и дальше от берега, затем было стихли, а потом быстро переросли в звуки драки.

– Что это? – в кокпите, поднявшись снизу, появился Майк.

– Кто-то неподалеку прятался, видимо, а они его нашли.

– Почему не ушел раньше? Здесь их слишком много. Наверняка их намного меньше дальше от заселенных мест. Днем ведь можно уйти, так?

– Да, так, – кивнул я. – Я же ходил сегодня. Но на это надо решиться. А человеку могло быть просто страшно, он сидел дома и... дальше мы знаем. Иногда бездействие кажется людям опасней действия, хотя обычно все наоборот.

Выстрелы слышались приглушенными, это где-то в здании. Скорее всего, я угадал.

– Проклятье, проклятье, проклятье, – Майк потер лицо руками. – Не могу поверить в то, что это на самом деле все происходит. Кажется, что сейчас проснусь, а потом встречу с вами во «Флюиде», пригласив на бокал белого вина.

– Я же всегда пиво пью, – усмехнулся я.

– Верно. Но я – вино.

Вообще-то он всегда пьет белое сухое вино, разбавленное содовой, со льдом, то есть почти безалкогольное по крепости. Его здесь многие пьют... пили. Из-за жары пили. Но во «Флюиде» мы уже больше не встретимся. Когда я ехал к пляжу, я видел «Флюид» из окна машины – перевернутые столики, разбитая витрина, запустение и разор.

– Но у нас схожие мысли, – сказал я. – Я тоже не очень верю в то, что это все, – махнул рукой в сторону берега, – реальность. Такой реальности не бывает.

– Это нереальность, которая прикинулась реальностью. Но прикинулась очень хорошо, натурально. Ладно, пошли спать, психи в воду не лезут, так что нам ничего на борту не грозит, – добавил Майк, поворачиваясь к трапу.

На этом и разошлись. Я проверил детей, спавших в кормовой каюте, убедился, что их не разбудили ни крики с набережной, ни выстрелы, и пошел спать сам, в «мастер-каюту». Майк, перебравшись к нам на борт, оккупировал раскладной диван в кают-компании.

Странно, что уснул я практически мгновенно, коснулся головой подушки – и как выключили. Думаю, что это уже ка-

кая-то защитная реакция на то, что сегодня видел, у сознания нет сил все это анализировать и перекручивать в себе раз за разом, нужно отключиться.

Проснулись все довольно поздно, около десяти, но мы так и задумали, рассчитывая воспользоваться для захвата яхты самым солнечным временем – около полудня, когда даже тени почти что нет, а солнце светит и жарит как смесь прожектора и печки. Встали, умылись, позавтракали, я еще раз проверил снаряжение и оружие. После завтрака отозвал сына, спросил тихо:

– Ты мне как, помочь готов?

Он помолчал недолго, потом кивнул:

– Да.

Сын – не в меня, он в мать. Это я, ребенок из военной семьи, мотавшейся по гарнизонам, любил оружие и стрельбу с детства, особенно учитывая, что отец был еще и охотником. Сына же к этому приохотить не сумел, не вышло. Он предпочитал барабанить в рок-группе, причем вполне успешно, они много где выступали, он еще и подался в диджеи, разведя меня на кучу всякой нужной ему электроники, и выступал уже и с этим, но с брутальными мужскими играми у него отношения не ладилась. Несколько раз он ездил со мной на стрельбище, где очень неплохо стрелял из винтовки с оптикой, намного хуже из пистолета, норовя его развернуть плашмя, как негры в кино, а потом он сказал, что стрельба ему неинтересна, а оружие он не любит. Мне осталось толь-

ко пожать плечами и в недоумении отступить – я как-то не верил в существование мальчишек, к оружию равнодушных. Но он не врал, так и было, потому что к моим многочисленным стволам он вообще никакого интереса не проявлял, хотя при этом любил поиграть во всякие стрелялки на своей «плей-стейшн».

Не удалось мне пристроить его и ко всяким «рукомашествам и дрыгоножествам», как ни пытался я это сделать, хоть мой товарищ вел секцию тайского бокса в спортзале в пяти минутах ходьбы от дома и тренером был хоть куда. Хотя при этом Ярек спорту вовсе не был чужд – просто качался, причем сам, без всяких понуканий, у него в комнате и гантелей всяких хватало, и прочего нужного, любил горный велосипед и скейтборд, так что трагедии из этого я делать не стал, лишь бы на здоровье. Намекал он мне на мотоцикл, но теперь...

Вообще отношения у него были куда ближе с матерью, чем со мной, это Сашка получилась какая-то такая... мальчишкой должна была родиться, наверное, а Ярек пошел в Янину. Та тоже, хотя в спортзал ходила почти каждый день, оружия не любила и старалась к нему даже не прикасаться.

Но сейчас мне нужна огневая поддержка, меня надо будет прикрывать. А для этого у нас есть Майк, но у него и других дел полно, ну и Ярек. И любит он оружие или не любит, а стрелять ему придется. Или просто быть готовым стрелять.

– Держи, – сказал я, вытаскивая из чехла камуфлирован-

ную винтовку с оптическим прицелом. – Это самозарядный «ремингтон», к нему четыре магазина. – Я вытащил из карманов в чехле четыре зеленых пластиковых «пи-мага». – Калибр двести сорок три, пуля о-очень быстрая, упреждения брать почти не надо.

Я выложил на стол несколько коробок с патронами, сказал:

– Набивай сам.

Было видно, что Ярек волнуется, даже руки немного потряхивает, но ничего не сказал и набивать магазины взялся вполне сноровисто. Сашка с явной ревностью наблюдала за ним, вот она стрелять хотела всегда и крайне настойчиво, так что мы с ней, несмотря на протесты Янины, часто вдвоем ездили в горы, прихватив с собой «мелкашки», и там палили по мишеням и консервным банкам до одурения, причем я одуревал куда раньше, чем она. Вот она, что забавно, пошла в меня. И в школе жалуются, что без нее ни одна драка не обходится.

– Из этой ты не стрелял, но стрелял из других, так что разницы никакой, – продолжал я лекцию. – С этой проще, даже затвор дергать не надо. И запомни: стрелять надо так, чтобы убить, ты меня понял? – Я посмотрел ему в глаза. – Там, за прицелом, будут не люди, люди в них давно погибли. Там какие-то бешеные твари, которые людей жрут, ты понимаешь?

Ему явно не понравилась такая трактовка слова «люди»,

но он все же кивнул.

– Если ты задумаешься или облажаешься – меня убьют, ты понимаешь? Просто убьют, это не игры, так что ты должен меня защитить, пойми.

– Я понял, – вздохнул он.

Ага, лекция начинает надоедать. Он лекций не любит, он умный и взрослый и все знает, это вокруг все дебилы, особенно родители, а из родителей особенно я – вообще тупой зануда. И все время со своими лекциями, словно могу его, такого умного, чему-то еще научить.

– Нет, ты не понял. – Я снова посмотрел ему в глаза. – Убьют – это значит без «сэйва» и «рестарта», понял? И тогда вам тоже... все. Это ты понимаешь? Все погибнут: ты, мама, Сашка, Майк. Все. Поэтому я хочу, чтобы ты сам себе все это объяснил, не я. Сам себе скажи: у меня нет второй попытки, я не могу что-то пообещать и не сделать. Даже если я не хочу убивать психа, я должен это сделать, потому что иначе он убьет кого-то из нас.

– А что я должен делать?

Теперь уже он в глаза мне уставился. Глаза у него, к слову, разные – один глаз голубой, а другой зеленый.

– Вон тот проход между домами и витрины справа видишь? – Я показал пальцем в сторону берега. – Где синяя вывеска и во-он туда, до следующего причала?

– Вижу.

– Оттуда никто не должен выйти, пока мы с Майком будем

на большой яхте. Любое тело, которое появится в этом секторе – цель. Ты должен навести прицел ему в середину груди и выстрелить, лучше всего два раза. Здесь дорогие охотничьи патроны, они убивают как надо, но лучше перестраховаться, понял? В середину груди.

Пусть это обдумает, пусть осознает, что делает. Пусть сообразит, наконец, что психом мы вынуждены именно убивать, что это не игра с пиксельными врагами. И что не убивать мы не можем, иначе нам конец. Мы выживаем.

– Давай, готовься. Майк, – повернулся я к нашему главному мореходу, – держи.

Майку достался короткий дробовик «фабарм» с четырнадцатидюймовым стволом и со складным прикладом, который установил уже я вместо просто пистолетной рукоятки. Пять патронов влезает в магазин, если «магнумы» не пихать, шестой в ствол. И в узких местах он вполне разворотистый.

– Патроны даю для спортинга, – сдвинул я ему по столу несколько коробок. – На таких дистанциях, что могут быть внутри яхты, мелкая дробь убьет кого угодно, но больших разрушений не наделает...

– Там нечего рушить. – Майк подвинул коробки мне. – Я знаю, где чувствительные места, так что туда стрелять не буду. И не думаю, что на борту вообще кто-то есть. Дай нормальную дробь.

Я пожал плечами и заменил патроны для стрельбы по тарелочкам патронами для стрельбы по глухарям – вроде как

и нашим и вашим. По отечественному стандарту «единичкой», четыре миллиметра. Я ее в запасах для «домашней самообороны» как раз и держал. Нет, понимаю, что все это выглядело для среднего человека глупо и смешно – так вооружаться и запасаться патронами на тихой и безопасной Коста-дель-Соль, но вот сейчас бы тоже все так думали? Или все же нет?

Так, теперь я сам. Четыре магазина с сабсониками в «лифчик», оставшийся еще с тех времен, когда требовался по работе, глушитель на «AR15», «глок» в кобуру на пояс. Все, готов. Рации... у меня их всего две штуки, туристические болталки, но нам хватит. Одну Яреку, другую мне, мы с Майком и так друг друга услышим, все равно будем рядом. Наушники, активные, все тихое станет громче, а громкое – тише. У меня их три пары, хватило на всех. Майк свои, понятное дело, оставил дома.

Так, теперь Янина меня зовет, лицо злющее. Что не так? Хотя догадываюсь.

– Ты с ума сошел?

– Детализируй.

– Зачем ты приплел ко всему Ярека?

– А что?

Я знаю «что», но пусть скажет.

– Мне это не нравится.

Вот так. Мир провалился в задницу, мы выживаем, но ей не нравится. Интересно, это отрицание реальности или при-

вычки сильнее? Я не могу понять, как можно «стараться держаться подальше от оружия», когда вокруг вот такое. Но у нее как-то в голове все укладывается. Причем комфортно и не толкаясь боками. Думаю, что в этом как-то задействована пресловутая «женская логика», иначе не объяснить.

– Что именно? – уточнил я.

– Зачем ты дал ему оружие?

Угадал. Впрочем, тут трудно было не угадать.

– Чтобы он мне помог, – объяснил я лаконично.

– А без оружия помогать нельзя?

Взгляд в глаза, обличающий какой-то. По идее я должен сейчас начать придумывать, как он может помочь без оружия. Но придумывать не буду, не хочу.

– Как? Мне нужно, чтобы меня кто-то прикрыл. Есть ты, ну и есть он, больше никого здесь не вижу.

Логический тупик. Что можно сказать еще, она не знает, отчего злится еще больше.

– Я против.

Детали уже не нужны, «против» – этого достаточно, позиция заявлена. Давайте, у каждого будет позиция и каждый будет ее отстаивать. И как все наотстаиваемся, так и начнем что-то делать.

– А я – за, – сказал я негромко, глядя ей в глаза. – И голосования у нас на сегодня не намечено. Забери Сашку, и на палубу ни ногой, пока мы не закончим. И все, я сказал! – Я почти ткнул пальцем ей в лицо, видя, что она собирается

возразить, отчего она взбесилась еще больше.

А когда Янина бесится – она уходит и хлопает дверью. Что и случилось. Чего я и добивался. Пусть просто уйдет и хлопнет дверью. И пока не мешает. И мне сейчас плевать на тонкость чьего угодно душевного устройства. Или делай, что говорю, или уйди, потому что из всех нас только я знаю, что действительно нужно делать.

Другое дело, что она не привыкла к такому обращению, я вообще не любитель спорить с женой и сразу со всем соглашаюсь, поднимая руки в знак капитуляции. Но это потому, что вопрос выживания раньше перед нами никогда не стоял и самые серьезные споры были обычно о детях: вроде как разрешать Яреку уехать к друзьям на пару ночей или можно ли мне брать Сашку пострелять. Впрочем, я ее все равно брал, тут мы консенсуса не нашли. А вот теперь я этот консенсус даже искать не собираюсь. Я сказал – все выполнили. Отойдем от причала, и тогда можем спорить и ругаться сколько угодно, тогда я буду открыт для внутрисемейной демократии в любых объемах. Но не сейчас. Сейчас – диктатура.

Так, теперь мое прикрытие:

– Марш на палубу, найди позицию, чтобы стрелять из положения лежа. Постели что-нибудь, а то отлежишь все и ребра потом будут болеть. Обсуждение закончено. Майк?

– Да?

Он явно был смущен разыгравшейся перед ним сценой,

но виду старался не подавать.

– Отвязываем лодку и погнали. Нам яхта нужна.

* * *

Мы не сделали ни единого выстрела, пока забирали «Полу Росу». Или «Паулу Росу», даже не знаю, как ее и называть, для меня обе версии годятся. На борту яхты было пусто, тихо и чисто. Постели застелены, чистое белье в шкафах, какой-то запас консервов, пасты и алкоголя даже нашелся, пусть и не слишком большой. Сходни были подняты, так что даже по ночам, похоже, психи на борт не поднимались. Просто огромная пустая лодка с почти полным баком солярки, роскошная и великолепная, я даже затрудняюсь сказать, сколько денег ушло хотя бы на один ее интерьер.

Я отвязал тросы от причала, дизель глухо заработал, и яхта медленно отошла от причала и почти сразу же остановилась впритирку к «Одиссею» – надо было перегружаться.

Вслух новым плавучим домом восхитилась только Сашка. Янине «Пола Роса» явно понравилась, но, понятное дело, она ничего не сказала. Лишь наехала на Ярека, требуя, чтобы он немедленно положил винтовку на место. Как ни странно, но он отложил оружие с заметным сожалением. Не думаю, что он так его возлюбил за это время, но... мне кажется, у него появилось ощущение силы, защищенности. Пока у тебя в руках винтовка, взять тебя трудно. Хорошо, это надо ис-

пользовать, просто не прямо сейчас, если я не хочу в разгар перегрузки заполучить еще и скандал.

Труднее всего оказалось оставить «Одиссея» в марине. Просто вот так взять – и оставить, свою собственную яхту, в идеальном состоянии, ни разу не аварийную. Которая была нам просто домом почти два месяца, хорошим, надежным домом. Думаю, что Майк испытывал примерно те же чувства, глядя на своего «Шутника», так и оставшегося на якоре.

«Пола Роса» же вышла из марины, поднялись огромные паруса, которые поймали ветер, и яхта пошла на запад, к выходу в океан через Гибралтарский пролив – проход между Геркулесовых столбов. Вставать на ночевки мы уже не собирались, пора было вводить вахты и идти. Тем более что GPS еще работал, хотя спутниками уже наверняка никто не управлял, работал и радар. Единственное, чего мы опасались всерьез, – непогоды, прогнозы ушли в прошлое. Поэтому Майк планировал не совсем прямой путь. В Атлантике в это время сезон ураганов, и попадать в них совсем не хочется.

– Мы спустимся вниз, вдоль берега Африки, примерно до Кабо-Верде, – объяснял Майк, водя карандашом по бумажной карте, которую мы нашли в рубке «Полы Росы». – И оттуда пойдем почти по прямой на Тринидад. Ураганы зарождаются примерно здесь, – карандаш перескочил куда-то в середину Северной Атлантики. – И затем они по дуге идут в сторону Америки... сначала... – Карандаш описал эту самую

дугу. – А потом сворачивают вдоль ее побережья к востоку. И да, этот твой Кюрасао, равно как и Тринидад, и Аруба, и Бонэйр – они все находятся немного южнее нижней границы ураганов. Да, изредка и там что-то случается, но очень редко. Так что тот, кто выбирал место, выбирал его с умом.

– С умом, я думаю, его выбирали из-за нефти с газом, – усмехнулся я.

– Нефть есть много где, – возразил Майк. – Твой коллега уехал с огромного месторождения нефти. – Про Рэя я ему рассказал, понятное дело, – могли бы и там остаться. Но там пустыня, и в ней даже с нефтью не очень выживешь. А я был на всех этих островах, кроме Бонэйра, – там можно жить, там все растет. Там чудесный климат, там много рыбы... так что не думаю, что нефть – ключ ко всему.

– Может, и так, – подумав, согласился я.

– В общем, еды нам надо найти на весь путь. Кстати, я все же предлагаю сначала зайти в Альхесирас. Это по пути, может быть, мы там найдем что-то подходящее.

– Давай попробуем.

Майк остался у штурвала, а я позвал Ярека, решив ковать железо, пока горячо. Покопавшись в сумках, извлек черный пистолет с кобурой и четыремя неснаряженными магазинами, показал ему:

– Это будет твой, понятно?

– Мой? – удивился он.

– Твой. Времена изменились, сам понимаешь.

– А мама?

– С мамой решай сам, – спихнул я проблему на него, на этот раз совершенно умышленно. – Я тебе доверяю. И хочу, чтобы ты был вооружен. Ты можешь направить маму ко мне, и я ей все скажу, но не думаю, что она не вернется к тебе. Ты меня понял?

– Ну... вроде бы, – усмехнулся он, сам себе растрепав волосы, светлые, как у матери, как он всегда делал в растерянности.

– Ты можешь отказаться.

– Не-а, отказываться я не буду. – Он даже отодвинулся, словно опасаясь, что я отберу оружие.

– Вот и хорошо. Вот патроны. – Я выложил на стол две коробки. – В магазин влезает семнадцать. Можно носить один в стволе, но это тебе рано, надо чуть-чуть поучиться. Так что набей все магазины, надень все на ремень. – На столе еще и пояс «инструктор» появился. – Примерь. И просто держи неподалеку, потом поучимся.

– Я понял. – Он провел пальцем по боковине затвора, прочитав вслух: – «Беретта». Фифти часто говорит про «беретту» в своих «раймз».

– Кто? – не понял я.

– Фифти Сент, рэппер.

– А-а, – протянул я. – Это да, это авторитет, он плохого не скажет.

Я ретроград и зануда. Именно это отразилось у Ярека на

лице, но я только усмехнулся. В принципе у нас это постоянно повторяется. А когда я включаю в машине хороший старый блюз или кантри, Ярек морщится и делает вид, что страдает. Но вообще слушает, и ему нравится, я это вижу, просто стесняется признаться. Иначе он уподобится мне, несовременному туповатому реакционеру. Который даже штаны подтягивает чуть не до пояса, не желая продемонстрировать всему миру разноцветные трусы. Вообще позор.

– Кстати, насчет штанов, – вспомнил я. – Увижу еще раз спущенные – отберу пистолет.

– Это почему? – возмутился он.

– Потому что мне не нужен такой помощник, который может упасть в любой момент, запутавшись в свалившихся портках, – сказал я вполне серьезно. – Да еще с заряженным оружием в руках. Или штаны, или пистолет. Ну? – Я протянул руку за оружием.

Он закусил губу и подтянул шорты на пару миллиметров, точнее – сделал вид, что подтянул, уронив туда же, где они и висели. Рука не убралась.

– О'кей, – вздохнул он и подтянул уже всерьез.

– Я буду приглядывать.

Он когда-то и в школе форменные брюки пытался так носить. С галстуком. Потому что это лишь он уверен, что он жуть какой умный, а ему на самом деле всего пятнадцать. А тогда вообще четырнадцать было. Пригрозил санкциями – не поверил. Санкции вылились в некупленный велосипед и

обещание обломать со следующими просьбами. Брюки подтянулись, по крайней мере в школе Ярек выглядел прилично. То есть ни разу со спущенными не попался, а попадаетса он всегда – не талантливый он врун.

Потом в кокпит поднялась Янина, покосилась на оружие в руке сына и – о чудо! – не сказала ничего. Хоть за это ей спасибо. Впрочем, не сказала она про оружие ничего, а так сообщила:

– В кухне газ закончился.

– В камбузе, – машинально поправил ее я, демонстрируя, какой крутой я теперь мореход.

– В камбузе нет газа, – улыбнулась она. – Совсем.

И точно не было. Ни баллона в отсеке у плиты, ни запасных. Вот так.

– Майк! – вышел я в кокпит. – Нам нужен газ.

– Газ?

– Для плиты, – я показал пальцем на рубку. – Даже если мы найдем еду, очень вероятно, что мы не сможем ее готовить. У меня спагетти – половина припасов, например. Их надо варить.

– На «Шутнике» осталась треть баллона, – задумчиво сказал он.

– Нам надо на берег, – сразу прервал я его размышления. – На заправку. И я даже знаю куда.

– В Эльвирию?

– Да. Там моя машина на пляже, а оттуда до заправки ру-

кой подать. До той, которая в сторону Малаги. Нам без газа нельзя.

– Нельзя, – повторил он за мной. – Никак нельзя. Разворачиваемся.

* * *

– Круто, – сказал Ярек, глядя, как откидывается назад наклонный транец, превращаясь в купальную платформу, а из закрытого отсека появляется белый «Зодиак».

– Это точно, – подтвердил я, переступая через борт. – «Пола Роса» стояла как двадцать наших «Одиссеев» или больше, так что заказчик мог позволить себе. Зато на буксире лодку таскать уже не нужно.

Машина стояла на том же месте, где я ее бросил. Пса не было, вообще никого на пляже не было, кроме обглоданных останков двух человек, но они валялись здесь и раньше, я их уже видел. Пустота. Время опять к полудню – самое безопасное.

– Ярек, прикрываешь нашу высадку и погрузку в лодку с пляжа, понял?

Вообще мне надо, чтобы он просто постоянно следил за пляжем, не думаю, что нас придется прикрывать, но как мне кажется, это важно именно для него – пусть осваивает роль «боевой единицы».

– Майк!

На этот раз приготовил ему нормальный дробовик, длинный, тот самый, с которым я ходил к своему дому. Тут важнее будет не поворотистость, а емкость магазина, и в длинный влезает на два патрона больше, чем в короткий.

Майк кивнул, накинул на плечо бандольеро с патронами. Пистолет, двухцветный шестнадцатизарядный «браунинг», у него уже в кобуре – тоже моя работа, заставил взять вместо его любимого револьвера. А если в запарке сообразит, как быстро перезарядить, то у него уже не шестнадцать, а шестьдесят пять патронов – еще четыре снаряженных магазина висят на поясе. Надо бы с ним этой самой перезарядкой позаниматься вообще-то.

– Пошли.

Дно легкой лодки качнулось под ногами, Майк уселся за управление. Рыкнул мотор, легкое суденышко развернулось «на пятке» и рвануло к берегу, подпрыгивая на волнах. Здесь мелководье далеко тянется, ближе трехсот метров к берегу нашей яхте не подойти. Да оно и к лучшему, наверное.

Взгляд назад – сын на позиции, с винтовкой, наблюдает за берегом в бинокль. Ладно, пока бдит. Сашка с Яниной в кокпите за столом сидят, играют во что-то.

Черный «Чероки» все ближе, солнце отражается от никелированной решетки. Двери закрыты, внутрь, надеюсь, никто не забирался. «Зодиак» ткнулся в берег, я выскочил на песок, вскинув к плечу карабин с глушителем – прикрываю. Майк подтянул лодку к берегу, воткнул глубоко в песок ко-

лышек с тросом, чтобы случайно волной не смыло.

– Пошли.

Песок какой все же горячий, даже через ботинки это чувствуешь. И ноги в нем немного пробуксовывают. А следы гулявших когда-то здесь пляжников уже ветром задуло, не ходил сюда никто, похоже. Подошли к машине осторожно, я глянул в салон через лобовое – пусто, точно никто не укрылся. Двери открылись, щелкнув автоматическими замками – хорошо, что ключи не выбросил, они так и лежали в грузовом поче в разгрузке.

– Смотри! – Майк хлопнул меня по плечу, разворачивая лицом к ряду двухэтажных домиков неподалеку.

– Твою мать, – выругался я от всей души. – Моя больная совесть!

По пляжу бешеным галопом неся оставленный пес. К нам неся, понятное дело, и вся его рыжая морда выражала полнейший и невозможный восторг. Он ведь решил, что вернулись за ним, наверное.

– И на кой хрен ты здесь нужен? – скривился я, а Майк посмотрел на меня с явным неодобрением.

Да клал я на твое неодобрение вприсядку.

– Если ты такой сердобольный – сам его бери, себе, но если он навалит на палубу, то полетит за борт, – сказал я. – А если укусит кого-то из моих, то ты полетишь за ним.

Но пес явно чесал прямо ко мне, почти полностью игнорируя Майка.

– Он тебя выбрал, – усмехнулся Майк.

– Большая ошибка с его стороны.

Я думал, что пес просто сшибет меня с ног, но его, похоже, научили даже в восторге не бросаться на людей. Он просто остановился предо мной, оттормозившись всеми четырьмя лапами и улыбаясь во всю свою пасть, откуда свисал истекающий слюнями огромный розовый язык, и молотил хвостом.

– Мы не договоримся, – сказал я ему по-русски. – Даже не надейся.

Но когда мы открыли двери джипа, пес сразу же вознамерился прорваться внутрь – не забыл той поездки и теперь полагал себя в полном праве. И я, признаться, тут слабость проявил – пустил его на заднее сиденье. Пусть там слюнями капает, все равно машину мыть уже не придется. Мотор завелся с пол-оборота, джип на полном приводе, чуть подплывая, проехался по песку и выбрался на асфальт. В витрине ресторана, прикрытой от солнца полосатыми маркизами, я увидел двух психов, глазевших на нас через стекло. Один из них, одетый, кажется, в поварскую форму, прижался к стеклу лицом, раскинув руки в стороны, словно хотел броситься к нам с объятиями. Но не бросился – солнце удержало. Или стекло.

Снова рывок мимо клуба «Никки Бич», мимо подъема к отелю «Дон Карлос», под мост, к кедровой роще. Там за нами погнались сразу четверо психов с какими-то дубинами, выскочившие из маленького офиса «Банко Популар», один

из них в зеленой форме «гвардия сивиль», даже с кобурой на поясе, но с пустой. Я вздохнул с облегчением, когда это заметил. Вспомнился тот полицейский в Сотогранде, что начал тогда стрельбу.

Джип ускорился, быстро потерял преследователей, а затем мне опять пришлось ругаться – шоссе было забито стоящими машинами полностью. От выезда на него и до въезда на заправку метров двести, не больше, но нам туда не добраться. Наглухо все заперто. Почти у всех машин открыты двери – люди их просто бросали и шли пешком, похоже. Зачем? Куда? Никто ведь даже не объявлял ни о каких местах для спасения, мир просто развалился и умер. Куда эти люди хотели уехать?

Вон запекшаяся кровь в салоне, похоже, что прямо в нем кого-то убили. Убили – потому что крови очень много, салон весь залит бурым и у открытой двери облако мух. Вон еще чьи-то останки между машинами. Может быть, как раз человека из этой машины? Разбитые стекла, вон еще запекшаяся кровь. Похоже, что психи нападали на людей прямо здесь.

Что же тут творилось? Чего нам удалось избежать? Паника и смерть, даже гадать не надо.

– Попробуем сзади как-нибудь? – начал волноваться Майк. – Эти уже близко.

Я глянул в зеркало – действительно, четверка психов так и продолжала гнаться за нами, и теперь до них было с пару сотен метров. И солнце им не помеха, что ли? Или достаточ-

но тени от деревьев? Или соблазн нас догнать так велик?

– Нет. – Я замотал головой. – Мост на ту сторону свободен.

Здесь две заправки, одна практически напротив другой, так что лучше попробовать сначала туда. Через мост я уже ездил, там проблем нет, и примерно половину дороги до заправки проезжал, а вот что дальше? А дальше неважно, там джип массой может через кусты продавиться. Поехали, в общем.

Развернувшись без суеты, я поехал обратно. Пришлось проскакивать мимо психов, причем «цивильный гвардеец» даже сумел заехать какой-то трубой по передней стойке. Мелькнули бешеные глаза, перекошенные в дикой злобе хари, измазанные кровью до ушей, с оскаленными пастями. Страх накатила волной, откуда-то из глубины, из самого спинного мозга. Пусть ты понимаешь, что в едущем джипе им тебя не достать, но само зрелище настолько иррационально, что душа отказывается это принять. Даже пес, ко всему уже привыкший, наверное, вдруг нервно залаял, брызгая слюной на стекло.

– Я знаю одного из них. – Майк обернулся назад, когда мы уже проскочили мимо психов. – Тот, в красном, у него агентство по недвижимости возле «Супер Соль» было, он мой дом сдавал в аренду, когда я уезжал.

Мне осталось только пожать плечами, я не знал, что сказать. Тут все психи местные, наверное, откуда же им еще

браться?

Проскочив обратно через рощу, мы выехали вверх, к отелю, затем оттуда на мост через шоссе. Здесь ничего не изменилось, мост пуст и дорога за ним пуста. Думаю, что кто-то застрял в бесконечной пробке на шоссе, из которой никуда не денешься, а кто-то вернулся домой или попытался найти другой путь. Еще раз взгляд с моста на «Флюид», тот самый, в котором мы с Майком познакомились. Да, сюда зайти выпить нам больше не судьба, увы. Неплохое было место.

Круг, на котором в свое время по ночам любили постоять все те же жандармы из «гвардия сивиль» на предмет дать подышать в приборчик проезжающим водителям, торговые центры справа и слева... вообще отличное здесь место было для жизни, все есть, все под рукой, от нескольких супермаркетов до кучи баров и не меньшего количества очень хороших ресторанов. Один даже с мишленовской звездой был, куда уж лучше.

Поворот, опять кедровая роща, справа забор... вроде пока никого... Перекресток, теперь забор слева... как-то напряжение растет, откровенно говоря. Появляется странное такое чувство, что мы запас везения и спокойствия уже исчерпываем. Надо торопиться. Надо хватать газовые баллоны, грузить их в машину и валить отсюда к чертовой матери, как можно быстрее. Вот прямо какая-то красная лампочка тревоги внутри мигает, хотя никого вокруг, совсем никого. И пес вроде не дергается, сидит себе и сидит.

Так, справа место под стройплощадку, дальше стоянка строительной техники... Фирма ее вроде бы в прокат сдавала, с того и жила. Немного, машин семь-восемь всего, стоят в рядок за сетчатым забором. Слева ворота складов потянулись, тут вроде маленькой промзоны. Несколько небольших автосервисов, какие-то мастерские, склады, оптовая торговля стройматериалами. Пара испанских таписерий¹, в которых в основном те, кто здесь работал, время и проводили.

И вот заправка, прямо на нее выскочили, я по этой дорожке всегда заправляться и катался. Или машину мыл, тут это тоже все на заправках.

– Вроде чисто, – огляделся я, подъезжая к стойке с оранжевыми газовыми баллонами, расположившейся напротив магазинчика по другую сторону колонок, у самого шоссе.

Тут нам повезло, кто-то подтащил ко въезду и выезду с заправки бетонные блоки, написав на них на двух языках: «Бензина нет!» Это хорошо, а то бы здесь тоже все было машинами забито, мы как раз на самом берегу этой замершей железной реки. Но блоки никому не дали свернуть, так что территория самой заправки пуста и свободна.

– Есть газ! – оповестил Майк.

Есть, все верно, клетка с полными баллонами наполовину заставлена, а пустых в соседней и нет вовсе. Кому они в такое

¹ Tapiserie – традиционная испанская закусочная, где можно набрать всего много маленькими порциями – на тарас, блюдечках. Обычно это дешево, вкусно и удобно, и как следствие – популярно.

время были нужны? Их только для газовых грилей раскупают, ну и для плит на «финках»² иногда. А нам сколько нужно? Да штуки две хватит на самом деле, но возьмем сколько получится, пусть будут, они много места не займут.

Нажал клавишу на потолке возле зеркала, складная крыша джипа поехала назад.

– Майк, грузи ты, я лучше буду прикрывать. Как-то неспокойно мне.

– Хорошо, – сразу согласился он.

– С замком помочь?

– Справлюсь, – покачал он головой, поднимая с пола заранее приготовленную монтировку.

Замочек там и вправду слабенький, на одно движение. Раз – и все.

– Пса возьми, пусть тоже караулит.

Майк, снова кивнув, просто распахнул заднюю дверь, и пес, словно поняв, чего от него хотят, выскочил наружу. А я встал, опираясь на край люка, вскинув карабин к плечу. Повел трубой глушителя вокруг, остановил взгляд на стеклянной витрине магазина, но никаких угроз за ней не заметил. Отсюда вижу, что полки, где была хоть какая-то еда, пусты, равно как и холодильники с напитками. Точнее, холодильники, в которых когда-то были напитки, сейчас в них тоже ничего.

² Finca – аналог дачи, обычно загородный дом на большом участке земли, в котором не живут постоянно. Усадьба.

Боксы «мойки самообслуживания», за ними мойка с крутящимися щетками – сильно перекрывают обзор, черт бы их побрал. И тут же, прямо за ними, за стекляшкой прачечной самообслуживания, маленькая кафешка, предлагающая... нет, предлагавшая раньше жареных цыплят. В странном месте построились, прямо на бензоколонке. Там раньше была стоянка, с которой торговали подержанными машинами, но в кризис бизнес зачах, вот они и добавили кафешку. Не разорились пока... до последнего момента.

А вообще никудышный обзор, если честно. Совсем никудышный.

Тихо, ужасно, невозможно тихо, только где-то в траве сверчки заходятся. Раньше на них внимания не обращал, другие шумы забивали, а теперь шумов нет. Кажется, даже море слышу, хоть до него отсюда и не так близко. А может, и кажется, может, просто в ушах шумит от нервов и избытка адреналина.

Страшно. Реально, действительно страшно.

Лязг железа, оглушительный как гром – Майк ломает замок на клетке с баллонами. Раз попытка, два, три... ну елки, ну что, так трудно сразу сорвать этот дохлый замок, что ли? Ну ладно, пусть не совсем дохлый, но все равно не амбарный, пора бы уже...

Майк тихо ругается, пес явно нервничает, крутя массивной башкой по сторонам. Ну же...

Есть, дверца открылась, замок упал на асфальт.

– Дверь открой!

Ай, я дурак, забыл даже дверь заднюю открыть. Пришлось нагнуться, нащарить кнопку на подлокотнике, нажать, услышал, как щелкнула блокировка.

И как же громяют эти баллоны, когда их вытаскиваешь! Как в колокол, мать его, кто-то бьет.

А это что за движение?

На противоположной стороне шоссе бежали люди. Психи. Те самые, что гнались за нами раньше. Мы же практически на то самое место вернулись, откуда сбежали, просто на другую сторону дороги. И теперь ряды брошенных автомобилей – единственная наша защита. А может, и не наша, а психов, потому что теперь я не могу по ним нормально стрелять – эти самые машины их то полностью закрывают, то почти полностью.

Они еще не кинулись на нас, стараются держаться в тени деревьев, но я уже сейчас вижу... чувствую, что кинутся, не удержит их солнце. Если добыча близка, то им на него плевать, я уже это видел. И, кстати, их больше, еще один откуда-то прибился.

Ладно, чего ждать? Уже все ясно, надо на опережение действовать.

– Майк, осторожней! Я стреляю!

Позицию постабильней, приклад в плечо, марку прицела на бегущего первым «гвардейца». Двойку ему в грудь, тут же вторую. Выстрелы негромкие, как духовушка, наверное,

прозвучали. Все четыре тяжелые пули ударили психа в середину груди, он запутался в собственных ногах и головой влетел в стоящую машину, исчезнув из виду.

Где еще? Вон второй – толстяк в грязной майке, в руке монтировка, которой он размахивает так, словно пытается отогнать от себя мух. Бежит тяжело, переваливаясь и тем самым блокируя путь между машинами суетящемуся у него за спиной тощему подростку с изорванными в клочья руками и какой-то тетке.

Двойка ему в грудь, звон пустых гильз, покотившихся по краю крыши «Чероки» и упавших на асфальт. Краем глаза глянул на Майка – тот замер, схватившись за дробовик, оранжевый баллон у него под ногами. Хотел ему крикнуть, чтобы не отвлекался, но тут же сообразил, что не получится так, я бы сам не смог грузить баллоны, зная, что всего в нескольких десятках метров от меня бежит группа психов, мечтающих меня убить и сожрать.

Пес замер, рычит на приближающуюся угрозу, но хотя бы пока не бросается.

– Майк, с тыла прикрывай!

А как на выстрелы, пусть и негромкие, кто-то еще сбежит-ся?

Тетка пропала за белым развозным фургоном, подросток же ловко перескочил через завалившуюся тушу толстяка и помчался прямо на меня. Прямо – это лучше, чем петляя, так что попал я в него сразу, тремя выстрелами. Из одежды

на нем были только грязные джинсы, так что я хорошо видел, как в его тощей груди появилось три отверстия, но он, судя по всему, даже не заметил попаданий – не дернулся и никак не отреагировал, продолжая нестись на меня. И лишь через несколько шагов его тело умерло само по себе, просто свалившись на асфальт.

А вообще они как-то очень быстро бегают, очень. Я только сейчас понял, что не давало мне покоя все это время, что казалось странным – скорость. Они неслись, как олимпийские спринтеры, даже толстяк, пусть он и был медленней, чем остальные. Они очень, очень быстрые.

Затем за спиной грохнул дробовик и куда-то туда рванул с места пес. Куда – не знаю, неважно, там Майк, он пока просто выстрелил, а не звал на помощь, так что разберется, не надо отвлекаться. У меня еще та самая тетка впереди и еще какой-то псих с дубиной, которого я даже рассмотреть толком не успел – он спрятался. Он где-то там, среди машин, но прячется, и это куда хуже, чем если бы он просто бежал на меня, как другие. Вот он так попрячется, попрячется, а когда я отвлекусь...

Тетка, к слову, тоже прячется, но неправильно, за фургоном, выглядывает из-за него. Он же жестяной, ни разу не защищен.

Когда она выглянула в очередной раз, я раз пять пальнул туда, где за белым бортом должна быть ее голова – и попал, она вывалилась из-за своего укрытия мешком.

Снова выстрел из дробовика, второй – оглянулся все же. Майк целится в разбитую витрину кафешки, через прилавок свисает окровавленное тело. Грязное тело, так что вопрос о том, кому оно раньше принадлежало, уже не возникает.

– Твою мать! – это уже от всей души.

Крики. Заорали где-то в районе промзоны, а это совсем рядом. И не один голос. И сколько там могло прятаться психов – ума не приложу.

Где этот, «скрытный» который? Не вижу его ни хрена, но где-то рядом, за машинами, до него рукой подать, равно как и ему до нас. Если они такие спринтеры – то один рывок. Гадство, гадство, гадство...

– Майк, грузи машину, сейчас сюда еще набежит!

Нам много не надо, нам всего несколько баллонов – и все, на этом доплывем. Их погрузить – минутка всего, успеем, должны успеть! Если я со своего постаamenta слезу.

Выкатился на улицу, шаря стволом карабина по замершим на дороге машинам, слушая, как отдельные вопли психов в промзоне превращаются в настоящую какофонию, как в обезьяннике. Их там много, я это уже слышу, сейчас они сообразят, куда бежать, – и побегут.

– Туда сторожи, туда! – Я просто схватил пса за ошейник и развернул мордой к дороге – пусть «осторожного» ждет, пусть прикроет, тот для нас сейчас самая главная опасность. Один удар какой-нибудь грязной, ржавой, а может, и острой железякой – и последствия могут быть любые, учитывая, что

у нас ни медика, ни нужных лекарств. – Сторожи!

Пес понял, как мне кажется. Майк говорил, что эти амстаффы на диво понятливые, может, так и есть. Только сторожить пес не стал, он бойцовый, а не сторожевой. Присев на задние, рванул с места рыжей кометой, исчез между машинами, а затем мы только крик слышали. Крик – и рычание.

Плевать на грохот, одной рукой баллон за ручку и волоком его из клетки, вторая держит карабин, который даже на секунду выпустить страшно. Подхватил, кинул в багажник, рванул за вторым, столкнувшись с суевающимся рядом Майком, потащил. И он еще один закинул.

Вой и крики накатывают волной. Поднял голову, столкнулся с панически выпученными глазами Майка, оглянулся – и сердце в пятки! Целая толпа психов выбежала из-за изгиба белого забора, до нас рукой подать.

«Не успею даже за руль!» – мысль мелькнула.

Просто не успею. Бежали бы люди – успел бы, а эти как прибой накатывают. Они все же очень быстрые, этого я не учел.

– В машину! – заорал я, захлопывая багажник и бросаясь к распахнутой водительской двери.

Не успею.

Точно не успею. Никак.

И спас нас пес. Я увидел его в самый последний момент, когда он, проскочив мимо меня, прыжком сбил с ног бегущего первым психа – высокого тощего блондина с садо-

выми вилами в костлявых руках. Сбил его под ноги бежавшим следом. Какой-то низкорослый латиноамериканец в зеленой форме садовника соседнего «комьюнити» полетел через него, а через садовника еще кто-то...

Пес подарил нам не меньше десяти секунд – целую вечность, целую жизнь. Я успел завести двигатель и дать по газам, захлопывая водительскую дверь уже на ходу. Джип взревел дизелем, описал крутую дугу вокруг колонок, сильно накренившись на правый борт, вылетел почти что в толпу, все же сбил одного психа, второго, и оба они отлетели в кусты у обочины, и я успел разглядеть пса, который продолжал рвать того блондина, вцепившись тому в лицо.

– Как же собака? – вскинулся Майк.

– Никак, – ответил я, разгоняя машину по прямой, уже пустой улице, потому что толпа осталась сзади. – Он нас спас, за что ему спасибо. Но у меня на лодке семья. А тебя ждет сын, Майк. А это просто собака. Чужая собака.

Майк протестовать не стал, он вообще ничего не ответил.

* * *

Черный вертолет выглядел одновременно и изящным, и неуклюжим – именно такое впечатление на меня всегда производили «Блэкхоки», те самые, что упали в известном фильме. Два таких, именно черных, стояло возле бетонной взлетно-посадочной полосы аэродрома станции военно-мор-

ской авиации Ки-Уэст, что расположилась на островке Бокка-Чика возле побережья Флориды. Еще один, похожий на них, но раскрашенный в бело-красные цвета, стоял чуть дальше, рядом с заправщиком и пустынного цвета невооруженным «Хамви», возле которого топталось несколько человек в разномастной одежде, камуфляжной военной и рабочей.

– Вам туда, – сказал крепкий черный парень, сидевший за рулем нашей машины – еще одного «Хамви» – грузовичка с лавками в кузове и двухместной, открытой сзади кабиной, на котором нас подвезли от только что приземлившегося «Геркулеса».

– Спасибо, – кивнул я, поднимаясь на ноги и подхватывая с пола кузова рюкзак и две большие сумки.

Команды ждать никто не стал, следом из кузова выпрыгнуло еще пять человек, одетых в однообразный «размытый» камуфляж А-ТАС, с песочного цвета плейт-карьеррами поверх него – моя с нуля созданная группа. В ушах до сих пор гудели авиационные двигатели, которые нам пришлось слушать последние пять часов, ныла отсиженная на неудобном сиденье десантного отсека задница. Впрочем, впереди никакого облегчения не ожидается, в таких вертолетах кресла проектом не предусмотрены – вместо них рамка, а на рамке сетка, и даже назад не откинешься, сидишь, как аршин проглотил.

Свежий ветерок с моря разгонял духоту, хотя над бетоном

колыхалось полуденное марево – самое пекло сейчас. Шум волн слышен хорошо, и морем пахнет. До него рукой подать, вон оно, прямо отсюда вижу.

Увидев нас, немолодой крепкий мужик в камуфляжных штанах и светло-серой майке махнул рукой, предлагая подойти, и сам направился навстречу.

– Дэннис? – спросил он, протягивая руку. – Я – Марк, пилот этой птички. – Он показал на красно-белый вертолет. – Жду вас, полетим вместе.

Я обратил внимание на пятно свежей белой краски, явно закрывавшее старую надпись «Береговая охрана США». Теперь на этом месте было написано «Поиск и Спасение», и небольшая эмблема рядом. Точнее, не эмблема, а маленький «жовто-блакитный» флаг Кюрасао – желая полоска и две звезды на синем поле. Совсем маленький флаг, сразу и внимания не обратишь. Вот так, чтобы и не раздражать никого новостями, и в то же время поражать миролюбием. Поиск и спасение – что может быть лучше для тех людей, которые выживают на захваченной волной сумасшедших мутантов Земле? А мы будем их искать и спасать, такая у меня теперь работа, спасибо составившему протекцию Рэю, оказавшемуся в новом месте на неплохой должности. Да и другие знакомые по прежним делам встретились.

– Это Энджи, она за второго пилота.

Энджи было не разглядеть – шлем и темные очки в поллица, к тому же она сидела в кабине и просто помахала нам

рукой через стекло.

– Грузимся? – спросил я у Марка и, дождавшись утвердительного кивка, скомандовал своим: – Грузимся!

Первый сюрприз – кресел в вертолете всего шесть, а не тринадцать, как в стандартных военных птичках, и они куда удобней – именно что кресла, а не места для сидения, исключительно задницу пристроить. Ну да, это же спасатель, который должен не десант или груз довести, а часами крутиться где-то над водой или землей, а люди в машине должны при этом оставаться готовыми к работе. Отлично, получается, с комфортом полетим.

– С дозаправкой? – спросил я у заглянувшего к нам Марка.

– Да, туда больше тысячи двухсот миль, а у нас запас всего восемьсот. В Амелиа-Айленд сядем.

– Часа четыре лететь?

– Примерно, – кивнул Марк.

Группа между тем рассаживалась, убирая сумки из проходов и пристегиваясь ремнями к креслам. Вроде и большой вертолет, но все равно тесновато, потолок низко. Я искоса присматривался – вроде пока все нормально, все держатся уверенно. Хотя люди из «новых», то есть из числа спасенных с материка, не из тех, кто прибыл на острова организованно, в составе разных частных военных контракторов. Тех давно по работам определили, а вот среди выживших искали людей с опытом военной или полицейской службы, формировали

из них такие вот группы и отправляли спасать других. А меня, значит, главным поставили – уже само по себе неплохо. И даже не Рэй повлиял, повлияло то, что мы сами на Кюрасао пришли, своим ходом, не спасал нас никто – уже плюсики к будущей судьбе.

Тренироваться долго не получилось, времени на это было совсем мало, но вроде бы сработались – люди и вправду оказались с опытом, пусть все и с разным. Береговая охрана, как раз только из Техаса, армия, охотничий гид, полицейский из SWAT, просто спортсмен-скайдайвер, никогда нигде не служивший – молодой парень из Тампы с крашеными волосами и серьгами в ушах, покрытый татуировками с головы до пят, типичный экстремал. Рик зовут. Но ничего, толковый, стрелять научился быстро, высоты не боится вообще, fast gore – быстрый спуск по тросу с вертолета для него как пешком ходить, легко и естественно. Нормально.

Обежал всех взглядом – пристегнуты, спокойны, настроение... ну, с виду рабочее. Все правильно, нам делом надо заниматься, выживших искать и спасать. Именно нам, как представителям последнего, наверное, организованного человеческого анклава на Земле. Поэтому как-то с ответственностью ко всему этому относишься, всерьез. Нас спасли, теперь наша очередь спасти других.

– Оружие проверить, – сказал я, заодно осмотрев свою «М4».

Патрон в стволе, оружие на предохранителе, ред-дот вы-

ключен, хотя можно и включить, батарейки в этих «аймпойнтах» несколько лет могут работать без перерыва. Но только вопрос: а будут через эти несколько лет новые батарейки? Вот и я ответа не знаю.

А вообще эти автоматы уже из американских военных запасов, а поначалу вооружены все были все больше австрийскими «AUG» – притащили из Залива, они раньше саудовскому воинству принадлежали. Теперь их вроде бы как в мобрезерв перевели, для упрощения логистики.

Зажужжало что-то, включился двигатель, в открытую бортовую дверь было видно, как начали раскручиваться лопасти винта. Быстрее, быстрее, затем дверь закрылась – незачем зря топливо переводить, аэродинамика рулит. А оружия в проеме здесь никакого нет, птичка именно что спасательная. Этот вертолет уже явно здесь нашли, не с той грудой имущества прибыл, что везли на острова из Эмиратов, Катар и Саудовской Аравии с эвакуацией. Там все вертолеты пустынной раскраски.

А вообще оттуда притащили много, очень много. Я этот момент по большей части пропустил, болтался тогда на яхте посреди океана, но наслушался про этот Исход, да и видео посмотреть успел – ленивый только не снимал на свои телефоны. Паромы, сухогрузы, контейнеровозы – все шло из тех краев. Огромные автовозы, похожие на плавучие комоды, забитые машинами, что угодно. Бреммер, которого уже наполовину в шутку, а наполовину и всерьез именовали «Спаси-

телем», готовился к концу света по-настоящему. Когда ему стало ясно, что вакцина опасна – он судорожно, тратя сумасшедшие деньги, видимо, все, что мог добыть быстро, начал нанимать людей по всему миру. Разных людей, вовсе не только бойцов, а больше специалистов. В том числе и таких, которые могли вести суда через океан. И они их повели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.